

The background is a deep purple, densely decorated with sprigs of lavender and several white ceramic teacups filled with a golden-brown liquid. The teacups are rendered with a textured, brushstroke-like effect. The lavender sprigs are green with small purple flowers and buds, some of which are scattered around the cups. The overall composition is symmetrical and visually rich.

Хелена Хейл

ЛАВАНДОВАЯ ВЕТВЬ

*Кофе и веточка лаванды
привлекут любовь*

Хелена Хейл
Лавандовая ветвь
Серия «Trendbooks»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65842889

Лавандовая ветвь: SelfPub;

ISBN 978-5-00211-152-7

Аннотация

Когда-то бабушка рассказала Селине, что лаванда притягивает в жизнь любовь.

В трудные времена эта легенда помогла девушке удержать ее кофейню на плаву. Селина думала, что талисман привлекает лишь новых клиентов, пока однажды не приколола веточку лаванды к своей униформе...

Содержание

Плейлист:	5
Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	42
Глава 4	55
Глава 5	62
Глава 6	80
Глава 7	91
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Хелена Хейл

Лавандовая ветвь

© Хелена Хейл, 2022

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2023

*Посвящается Насте и Нелли. Не знаю, где бы
я была без вашей веры и поддержки...*

Плейлист:

1. Arctic Monkeys – «Do I Wanna Know?», «Why'd You Only Call Me When You High?», «R U Mine?»
2. The Verve – «Bitter Sweet Symphony»
3. Лил Пип (Lil Peep) – «Star Shopping»
4. The Neighbourhood – «Sweater Weather»
5. Индиана (Indiana) – «Smoking Gun»
6. Hippie Sabotage – «Devil Eyes»
7. Мэг Майерс (Meg Myers) – «Desire»
8. Джейс Эверетт (Jace Everett) – «I Wanna Do Bad Things With You»
9. Placebo – «Special Needs», «Blind»
10. Тимо Маас (Timo Maas) – «First Day»
11. 30 Seconds To Mars – «A Beautiful Lie»
12. Сиа (Sia) – «Breath Me»

Глава 1

В наушниках гремела музыка, точнее, лилась грустными нотами. Я смотрела на проезжающие мимо машины из окна автобуса, положив голову на руки, а руки на поручень. Этот утренний час в семьдесят девятом автобусе был моим личным ежедневным ритуалом, временем размышления и вдохновения. Хотя по факту он был лишь дорогой до работы. Небо было серым и унылым, совсем как я, даже машины в пробке стояли черные, белые и серые – большая редкость. Кому как не мне знать, ведь каждое утро я въезжаю в эту пробку как к себе домой.

К двадцати двум годам я окончила колледж в Бирмингеме и благодаря лучшему другу моего покойного отца открыла свое мини-кафе. В этом кафе я и работала, ведь средств для оплаты чьего-либо труда я не имела. А, нет, вру! В моем кафе подрабатывала подруга младшего брата, но ее ставка была так мала, что даже на чаевых Эбигейл зарабатывала больше.

Если бы кто-то попросил меня описать мою жизнь двумя словами, я бы ответила «день сурка» или «незаурядная и стабильная». А что нам обещали в колледже? Что после выпуска все заиграет яркими красками, а возможности буквально будут преследовать нас по пятам. Наставники, наверное, перепутали, это мы теперь должны долбиться в каждую

дверь в поиске возможностей и стараться не уйти в себя после тысячи отказов.

Скажите, мне грех жаловаться, ведь у меня своя забегаловка? Здесь я отвешу поклон дядюшке Майклу, ведь, если бы не он, я бы реально ушла в себя, так как искусство меня перестало интересовать уже на втором курсе, а работать продавцом-консультантом я устала. Возвращаться домой с истертыми ногами и новым запасом оскорбительных высказываний в свой адрес – увольте. Это все дядя Майкл, единственный, кто слышал на семейных застольях мои короткие вставки типа «вот открою свое кафе!», «а в меню у меня было бы...», «я уже подыскала место для аренды». У мамы и братьев эта информация пролетала мимо ушей – они свои мечты не реализовали, а тут еще я со своими фантазиями.

И вот мой автобус поворачивает на самую угрюмую пустую улицу, на остановке которой редко кто выходит. Только я. Вообще застать солнце в Бирмингеме – большая удача, но нас радовали даже просто дни без осадков, потому как попасть под ливень здесь ничего не стоило. Я пошла излюбленной тропой, повернула перед цветочным магазином, затем миновала заброшенный ресторан, несколько частных домов, спустилась под мостом и оказалась на месте. Вот она, моя забегаловка, которую я назвала именно так, как и мечтала, будучи восьмилетней, – «Лавандовая ветвь».

Место, которое я арендовала под кафе, было не самым проходимым и далеко не популярным. Когда я выбрала со-

седний с доками дом, члены моей семьи дружно запротестовали, но все же смирились после козырного аргумента – здесь самая низкая арендная плата. Дядюшка Майкл пусть и дал мне сумму для оплаты на полгода вперед, но никто не обещал, что дело выгорит и я не останусь с пустым кошельком и разрушенной мечтой на выходе. Мне предстояло своими руками делать ремонт и превращать заброшенный магазин глиняной посуды в уютный общепит.

Вдоль канала находились самые посещаемые заведения: два паба (чешский и ирландский), мексиканская забегаловка, элитный бар и четыре магазина (рыболовный, продуктовый, хозяйственный и сувенирный). Все они располагались в добротных, красивых кирпичных домах. Именно эти трехэтажные строения первыми бросались в глаза посетителям доков и туристам, а уже самые любопытные жители Англии могли наткнуться и на мою кофейню, стоило им пройти в глубь кирпичных построек, где через два небольших здания красовалась деревянная вывеска с выжженной надписью и рисунком.

Изначально я планировала ввести в меню лишь напитки и десерты, но многие обитатели доков были так рады появлению кафе, что надоумили меня расширить ассортимент. Стало больше видов кофе, больше закусок и перекусов, появился «суп дня».

Солист Arctic Monkeys уже допевал припев в моих наушниках, когда я повернула на улочку, застроенную кирпичными

ми зданиями. Каждый раз при виде своей вывески у меня трепетало сердце: моя. Мое собственное кафе. Уютный уголок на пустыре, зато свой. Через стеклянную дверь я заметила суетливые движения Эбигейл.

– Слава богу, Селина! Звонили из службы здравоохранения, они собираются прийти с проверкой во все заведения на территории доков в течение недели.

Вместо приветствия я систематически получала «приятные» известия.

– Эбби, брось мне фартук! – попросила я, проигнорировав новость.

Эбигейл было семнадцать, она оканчивала старшую школу и уже в конце весны должна была сдавать важнейшие в своей жизни экзамены, а пока, вместо того чтобы отправлять резюме в колледжи, заменяла чековую ленту. Схватив фартук, я зашла в уборную, где собрала свои длинные густые волосы в тугий хвост. Резинок у меня всегда было про запас, потому как мою гриву выдерживали лишь сильнейшие.

– Почему ты здесь, а не в школе? – спросила я, заливая молоко в опустевшую емкость аппарата.

– Сел, сегодня воскресенье, привет! – рассмеялась Эбигейл.

Неужели воскресенье? Казалось, только вчера была среда. За последние месяцы все дни недели смешались воедино, ведь, как я уже говорила, какое мне дело, если что ни день, то «день сурка»?

Эбигейл – украшение моего кафе. Ее морковные волосы, тоже туго собранные в хвост, и масса веснушек, усыпавших даже плечи, спину и руки, напоминали о лете, самых ярких закатах и о той огненной живости, с которой она у меня ассоциировалась и которой так не хватало мне самой. Эбби обладала неиссякаемой энергией и добрым сердцем. Мы познакомились с ней, когда Мэттью, мой младший брат, пошел в первый класс. Они с Эбби стали одноклассниками и закадычными друзьями, поэтому из-за моей сильной привязанности к рыженькой непоседе все девушки брата вызывали у меня недовольство. Но его личная жизнь – не мое дело, так что приходилось держать свое мнение при себе.

– Заметила только утром, – указала Эбби пальцем на корзину, которую я вчера поставила около кассы. – Это что? Для печенья с шоколадной крошкой?

– Нет, для лавандовых веточек, – смущенно улыбнулась я.

Эбби, как она любила это делать, уставилась на меня большими зелеными глазами. Несколько вечеров кряду я думала о том, что мне следует обзавестись своей «фишкой», которая привела бы в мое кафе большее количество людей, повысила бы продажи. Я решила, что название должно говорить само за себя, и, вспомнив об истории бабули Корнелии, обошла ближайшие цветочные магазины в поисках лавандовых ветвей.

– Что за нововведение? Для благоухания? Так я только вчера заменила пустую бутылку ароматизатора...

– Нет-нет, Эбби! – А еще рыжий бесенок обладал привычкой тараторить без умолку. – Это... есть такая примета. Помнишь бабулю Корнелию?

– Как же не помнить!

И я рассказала Эбигейл о старинном поверье, некогда переданном мне моей любимой покойной бабулей. Бабушка Корнелия увлекалась сухоцветами, они всегда украшали полки ее дома в Валенсии, откуда была родом семья моего отца. Запах там стоял такой, что даже если попытаться упасть в обморок – не выйдет, какой-нибудь аромат да отрезвит разум. Меня сразу привлекли сухие ветви лаванды, пышным букетом стоявшие в вазе девятнадцатого века. Их запах и сиреневый оттенок очаровали меня, восьмилетнюю. Позже, заметив мой интерес, бабушка рассказала мне о лавандовых ветвях: «Сухую ветвь лаванды раньше носили незамужние дамы. Не все, конечно, но те, кто знал о поверье, особенно хитрые девчушки, прятали ветвь в карман или цепляли в качестве броши.

Согласно поверью, такой талисман мог привлечь мужчину, помогал найти настоящую, искреннюю любовь».

– И что же, Корнелия не рассказала тебе историю какой-нибудь девицы, которой удалось встретить любовь?

Эбби с недоверием глядела на меня, пока я разбирала сумку и доставала пакет с ветвями лаванды.

– Она только сказала, что благодаря лаванде встретила дедушку, – ответила я, наполняя корзину.

– Ага, значит, именно лавандовая ветвь подослала его после долгого мореплавания в Валенсию? – усмехнулась Эбби.

– Эбби, я ведь не говорю, что безоговорочно верю в силу лаванды. Просто... я всегда знала, как назову кафе. В последнее время я часто думала о том, как бы нам его продвигнуть, и вспомнила, откуда взялось название. Корзина может стать нашей фишкой! У нас ведь должно быть что-то оригинальное? Чем не маркетинговый ход?

– Кстати о фишках, не пора ли тебе приготовить суп дня?

– Точно! Слушай, напиши вот здесь мелом: «Лавандовая ветвь – талисман для одиноких сердец», – велела я Эбби, оставив на столе мел и черную дощечку.

– А цена? – спросила она, когда я уже отворяла дверь кухни.

– В подарок к чашечке кофе! – крикнула я.

Пора приступать к ежедневному ритуалу – приготовлению супа дня. Если сегодня воскресенье, значит, нужно достать продукты для острого испанского супа с колбасками. И вновь спасибо бабуле Корнелии, которая безропотно обучала меня готовке. По воскресеньям выручка была приличной, а благодаря испанскому блюду даже появились постоянные клиенты. Я не могла их подвести, поэтому ускорила темп приготовления, вытирая слезы от лука.

Помешивая горячую жидкость, я невольно вспоминала о бабушке и отце. Пар обдавал мое заплаканное лицо, но я продолжала вдыхать это едва уловимое воспоминание. В тот

день мы с бабушкой как раз варили суп, а потом пошли на море. Папа, кажется, учил меня плавать... эх, чертова ностальгия, только настоящих слез мне не хватало!

Отца я потеряла четыре года назад, едва поступив на первый курс. От такого удара я долго не могла оправиться, поэтому некогда приличные оценки, благодаря которым меня и приняли в колледж, снижались по накатанной. Отец сгорел всего за год с того дня, как врач сообщил о третьей стадии рака желудка. Тяжелейшее время моей жизни. Мы всей семьей искренне верили в то, что отец сможет побороть болезнь, даже когда химиотерапия не увенчалась успехом, даже когда он исхудал до пятидесяти восьми килограммов, даже когда целый месяц не мог встать с постели. В тот месяц бабуля Корнелия скончалась от инфаркта, а затем забрала с собой и душу единственного сына. Так всего за год я потеряла двух самых близких мне людей.

Конечно, я любила и братьев, и маму, но та близость, то абсолютное понимание и доверие, что были между мной и отцом... их уже не вернуть. Смахнув ностальгические слезы, я накрыла огромную кастрюлю крышкой и вернулась в зал, как раз когда прозвенел дверной колокольчик.

– Добро пожаловать в «Лавандовую ветвь»! – широко улыбнулась Эбигейл, приветствуя посетителя. – Ах, мистер Берч! Вам, как обычно, эспрессо и суп дня?

– Верно, красавица, верно! – прокрихтел старик. – Селина, здравствуй!

– Добрый день, мистер Берч! – звонко ответила я, поспешно расставляя десерты в стеклянном холодильнике.

– О, это что, фисташковый эклер? Будь добра, милочка, положи мне...

Мистер Берч приходил к нам каждый день. Его хозяйственный магазин размещался как раз «лицом» к каналу в тех самых уютных домах из красного кирпича. Вдовец Берч, как и я, круглосуточно торчал в своей лавке. Его густые брови поседели и нависли над глазами так, что не видно было век. Неизменный серый берет, украшавший полысевшую голову, сполз влево, на нем оказалось несколько дырок.

– Селина, ты все цветешь! Откуда в тебе столько сил? Ты ведь, кажется, без выходных... – Он имел странность не договаривать предложения. Может, просто не тратил свой и без того малый запас жизненных сил.

– Вы видите меня каждый день, мистер Берч, неужто я с каждым днем все краше? – усмехнулась я. – Да и сами вы безвылазно торчите в своей лавке. Почему бы вам не найти сменщика хотя бы на два дня в неделю?

– Что ты, милая! – схватился за сердце старик. – Довериться мои... нет, молодежь слишком безответственна, и потом...

– Ваш суп, эспрессо и эклер. Десерт я упаковала в контейнер, вы ведь, наверное, возьмете его с собой?

Спасибо Эбби, завладевшей вниманием Берча. Я подмигнула подруге и продолжила выставлять выпечку, перемещая ценники.

– Верно-верно, дитя! Уж как облупленного меня...

Мистер Берч забрал свой заказ и отправился в сторону доков. Мы с Эбигейл протяжно выдохнули.

– Слава богу, сегодня без историй о его милой, бедной женушке... – прошептала Эбби.

Я рассмеялась и ушла в каморку, где обычно хранились хозяйственные принадлежности. Мы уже полгода забывали приобрести швабру, поэтому приходилось корячиться с тряпками. Однако пару дней назад Эбигейл одолжила длинную щетку у Буша, владельца чешского паба.

– Эбби, ты опять забыла вернуть Бушу щетку!

– Ах ты черт! Не люблю я этого юмориста! – слышалось из-за стойки.

Вздыхнув, я взялась за уборку и, когда полы засияли чистотой, поставила одолженную щетку у вешалки для верхней одежды, чтобы не забыть занести на обратном пути Нилу Бушу.

– Селина, где же твоя логика, почему бы тебе просто не дойти до Берча и не купить у него нормальную швабру?!

Да я и сама задавалась этим вопросом, возможно, ответом была моя лень. После работы я уходила на ватных ногах.

– Кстати, почему бы тебе не прицепить себе талисман? – продолжала Эбби. – Или ты уже давно носишь с собой коварную лавандовую ветвь?

– Зачем же мне ветвь, если у меня есть Коннор? – хмыкнула я.

Эбигейл возвела глаза к потолку и принялась чистить кофейный аппарат. Я знала, что она недолюбливает Коннора, и не раз пыталась понять и уточнить, чем он ей не угодил, но так и не получила вразумительного ответа. Мы с Коннором вместе с первого курса, он появился в моей жизни как раз тогда, когда я нуждалась в поддержке. Только вот... пламя нашей «любви» потухло уже к концу второго курса, и далее мы просто превратились в парочку... партнеров? Я даже не помнила, по какой еще причине встречаюсь с ним. Может, по привычке или из-за ощущения стабильности?

– И все-таки, может, нам нацепить их в качестве броши? – предложила Эбби. – Как отличительный знак нашей... формы.

– Хм, а идея неплохая!

Я вытащила из ящика две булавки и прицепила одну веточку на пышную грудь Эбби и одну на незаметную свою.

– Сел, Коннор заберет тебя сегодня после работы?

Я чуть булавкой не укололась от такого вопроса, а когда заглянула в дразнящие зеленые глаза Эбби, расхохоталась в голос. Эбби не отставала. Коннор – и забрать с работы? Это как? Сколько я здесь работала, столько и ездила на автобусе. В крайнем случае на такси. И не было в этом ничего плохого, скорее я с нетерпением ждала своего музыкального часа. Только я и мои наушники, никакого Коннора нам не нужно.

– Странные вы, Сел, – сказала Эбби, успокоившись. – Вы хоть видите?

Я попыталась припомнить, когда в последний раз встречалась с Коннором. Если сегодня воскресенье, значит... в прошлую субботу. Точно, в первый день апреля мы ходили в кино, встретились у кинотеатра, а после разошлись по домам.

– Иногда.

– Иногда? Да я с тобой живу, можно сказать, и что-то не припомню... погоди, неужели в ту субботу, когда ты попросила меня остаться?

Я промолчала, зардевшись.

– Селина! Это же смешно! Друзьями вас еще можно называть, но парой?

– Эбби, обязательно говорить обо мне? – устало спросила я, совершенно не настроенная обсуждать свои потухшие страсти.

– Последний вопрос. Вы... спите? – словно секретную тайну, шепнула она мне на ухо.

Я снова невольно рассмеялась и тут же оборвала смех, пытаясь вспомнить, спим ли мы. Если в прошлую субботу было кино, значит, где-то в среду мы спали. Полторы недели – не такой уж и большой срок!

– О чем ты думаешь, а? Лучше переставь сиропы и протри липкие крышки! – скомандовала я и убежала в уборную.

Коннор. Иногда я даже забываю, что состою в отношениях, но вот теперь благодаря Эбигейл перед глазами возник образ этого широкоплечего, коренастого шатена. Вспомни-

лось, как он улыбался мне тонкими губами и присаживался рядом на физкультуре, где я вечно сидела на скамье, обес-силенная горем. Все твердили, что он мечтает затащить меня в койку (ох уж эти стереотипы о качках!), однако он был нежен и заботлив, чем окончательно покори́л мое израненное сердце. Возможно (нет, совершенно точно), я чувствовала себя счастливой в первый год наших отношений. Все свободное время мы проводили вместе, но как только получили дипломы, резко отдалились. Коннор теперь работал в конторе отца, они продавали земельные участки. Мы как-то, не сговариваясь, увлеклись своими делами. Во время редких встреч Коннор все чаще стал скучающим взглядом следить за стрелкой часов, участились агрессивные выпады. А я что? Я была слишком увлечена своим бизнесом и финансовыми проблемами в семье, чтобы заикливаться на отношениях. И если Коннора что-то не устраивало, он ведь всегда мог порвать со мной, разве нет?

Прозвенел колокольчик. Обрадовавшись новому посетителю, я вылетела из уборной и расстроилась. Это была Дороти, местная жительница. Бездомная обитательница доков. Мое ранимое и сострадательное нутро однажды не оставило без внимания голодную женщину, и с тех пор Дороти ежедневно навевалась за чашечкой кофе и тарелкой супа.

– О, мисс Гарсия! – обратила она на меня свои телячьи бледно-голубые глазки.

– Дороти, мы же договаривались – просто Селина.

Ни о чем не спрашивая, я ушла в кухню, чтобы наполнить для Дороти тарелку супа.

– Твоя доброта не знает границ, – раскланялась женщина.

– Как и ваша наглость, – едко заметила Эбигейл.

– Эбби! – ткнула я ее локтем в бок.

– Селина, этот огненный львенок прав. Я нагло пользуюсь твоей добротой. Обещаю, моя добрая девочка, однажды я отплачу тебе.

– Дороти, хватит разговоров, вы ведь знаете, что я не оставлю вас голодной, – улыбнулась я.

Дороти было всего около сорока. Если ее хорошенько отмыть, приодеть и расчесать, получилась бы вполне приличная, красивая женщина. Сейчас же передо мной стояла потасканная дама в драном зеленом пальто, с копной спутанных бордовых волос. Седина отросла до ушей, губы, как и кожа рук, потрескались от холода. Страшно представить, что бы стало с Дороти, если бы я ее не подкармливала.

Дороти присела за свой любимый столик, тот, что стоял в самом углу, рядом со стойкой. От нее разлило помоями и сыростью, но лавандовые ветви этот запах сегодня перебивали – уже как минимум один плюс в пользу моего решения их выставить.

– А что это за корзинка? – спросила Дороти, прижимая ладони к теплomu стакану.

– Ветви лаванды. По старинному поверью, они были талисманом для одиноких женщин, – отчеканила я и опомни-

лась. – Эбби, ты забыла выдать ветвь!

– Так ведь мы выдаем их за *покупку* кофейного напитка... – съязвила она, но тут же вытащила одну веточку и отнесла Дороти. – Вот. Может, и правда срабатывает.

Дороти лишь усмехнулась, но все же приняла цветок и положила в дырявый карман.

– Воспользуюсь в качестве духов.

– Боюсь, одной веточки мало...

– Эбигейл! – уже строго прикрикнула я.

За весь день к нам пришло всего двадцать человек, включая Берча и Дороти. Выручка оставляла желать лучшего. Эбигейл ушла в семь, ей нужно было подготовить эссе для поступления. Я же, естественно, просидела за столиком у стеклянной двери до самого закрытия, то есть до десяти часов вечера. Накинув объемное темно-серое пальто, я распустила густые волосы, выключила свет, пробежалась глазами по помещению, прихватила швабру-щетку и отправилась возвращать ее владельцу. Обычно вечерами жизнь в доках только начиналась, но сегодня, несмотря на воскресный день, было очень тихо. Оглушительно тихо. Может, Эбигейл сама запуталась в днях недели?

Я вышла из скрытого за домами дворика, повернула направо, бросила взгляд на водную гладь и пошла к пабу Буша. Предвкушая шуточки, которые будет отпускать заядлый юморист Нил, я вздрогнула. Он мечтал стать комиком, но никак не мог пробиться на сцену. Против его юмора я ниче-

го не имела, иногда даже заливалась смехом, но прямо сейчас мне хотелось поскорее запрыгнуть в автобус и посвятить время музыке.

Странно, но даже фонари у доков сегодня не горели. Не было и света, падающего на каменное покрытие дорожки в этот вечерний час. Я посмотрела на экран телефона – даже сеть не ловила, хотя у канала всегда была возможность поймать две палки сети. Стук моих сапог отдавался эхом.

Когда я повернула к нужной двери, в соседнем магазине – хозяйственной лавке Берча – прогремел выстрел.

От неожиданности я подпрыгнула, выронив щетку. А вот от нахлынувшего страха быстро подняла ее с земли и замерла. Грабители? Мистера Берча убили? Сердце оглушительно билось в груди, ноги тряслись, да что там, я была готова расплакаться как девчонка и дать деру, только вот в это же мгновение открылась дверь лавки. От испуга я прислонилась к себе щетку, закрыв лицо.

Вот же картина маслом. Рукоятка щетки была тоньше моего запястья, так что она не то что не прикрывала мое тело, но скорее кричала: «А вот и я!» У самой же щетки щетина была редкой, и я, как идиотка, прикрывала ею лицо. На пороге лавки появилась фигура. Всего за пару секунд я заметила, насколько вальяжны движения этого парня или мужчины – в темноте не определишь. Он обернулся. Я четко разглядела его каштановые волосы, отливающие бронзой, но самое главное – глаза. Пугающие глаза. В темноте они напоминали

врата в преисподнюю. Мужчина смотрел прямо на меня, да так пристально, что я уже мысленно себя похоронила. Мой камуфляж в виде щетки явно не сработал. Что делать? Броситься бежать или прочесть молитву? Или стоит вспомнить все лучшие моменты жизни? Еще пару секунд, и я от страха грохнусь в обморок.

– Райан, есть там кто? – донесся низкий, скрипучий голос из погруженной во тьму лавки. Только сейчас я заметила разбитое окно и валявшиеся на земле осколки.

– Чисто, – ответил владелец дьявольских глаз, зашел в помещение и закрыл за собой дверь.

Еще пару минут я стояла, прикрываясь щеткой. Страх сковал тело, хотя разум кричал: «Беги, идиотка!» И я наконец побежала. Бежала не оглядываясь, не останавливаясь, наплевав на брошенную прямо в Бирмингемский канал щетку Нила Буша.

Глава 2

Водитель автобуса меня узнал и поздоровался, я кивнула, протянула дрожащими руками мелочь, убежала в самый конец и плюхнулась на излюбленное сиденье с поручнем, на который всегда клала руки и голову, слушая музыку. Руки не слушались, наушники упали на грязный пол, и мне потребовалось еще минут пять, чтобы распутать их непослушными пальцами. Как только я включила «Bitter Sweet Symphony», дрожь унялась. Ноты любимой песни струились в уши, успокаивая, обволакивая. Осталось выждать, когда мое сумасшедшее сердце поутихнет. Мистер Берч! Взглянув на сетевые палки телефона, я хлопнула ладонью по коленке – сеть наконец обнаружилась, и я тут же набрала номер полиции.

– Полиция Бирмингема. Что у вас произошло? – Сеть барахлила, поэтому голос в трубке хрипел.

– Добрый вечер! На территории доков, у Бирмингемского канала, в хозяйственной лавке прогремел выстрел.

– Уточните, кто-то ранен?

– Возможно... – сглотнула я. – В магазине работает мой знакомый, но я встретилась лицом к лицу с бандитом и убежала. Боялась, что...

– Мы отправим патрульных осмотреть место происшествия. Ваша заявка принята. Вы видели стрелявших?

– С-спасибо. Нет, я...

– Назовите, пожалуйста, ваши дан...

Громкий хрип. Я оторвала телефон от уха – сеть снова захворала. Черт с ними, моими данными, лишь бы заявку действительно выполнили. Теперь можно и поразмыслить над тем, что произошло. Разбитое окно лавки, выстрел... Ограбление? Был ли мистер Берч в тот момент в магазине? Если да, значит, я струсилась и убежала, спасая свой зад. Если нет – тогда зачем устроили разгром и в кого стреляли? Мелодии в ушах сменяли одна другую, ритм менялся, я не успевала переключать нагнетающие ужас песни. Не успевала и за ходом мыслей. Глаза ослепили фары проезжавшего автомобиля, я прищурилась и быстро повернула голову, заметив через двери, что мы едем по моей улице. Уже?

Двери распахнулись, я вылетела из автобуса и поспешила к подъезду. Еще никогда мне так остро не хотелось попасть домой. Наша семья обосновалась в многоквартирном доме, не самом бедном, конечно, но все же уступающем частным домам и элитным многоэтажкам. Лифт остановился на пятом этаже, и, не прекращая нервно напевать играющую песню, я ворвалась в квартиру, напугав маму.

– Селина! – ахнула она, уронив ботинки Пабло.

– Привет, мам, – пробормотала я, убирая наушники и избавляясь от тяжести пальто.

– Как дела, детка? – спросила она, следуя за мной на кухню.

– Нормально, – кратко ответила я, осушая стакан воды. – Пабло и Мэттью дома?

– Мэттью весь день проторчал дома, этот лентяй даже не соизволил поменять постельное белье! А Пабло сегодня у Евы.

Ева была невестой моего старшего брата Пабло. Из-за приближающейся свадьбы наши и без того хилые сбережения грозили вовсе исчезнуть. Я ничего не имела против Евы, тем более что у нее тоже были испанские корни, и яркая внешность: волосы цвета воронова крыла, и глаза, подобные двум лазуритам, приковывали внимание с первых секунд. Пабло было известно о нашем положении, но он все равно настаивал на пышной церемонии.

– Понятно.

– На тебе лица нет, Сели...

– Устала, очень устала.

И это было правдой, я еле стояла на ногах.

– Что ж, тогда поспеши в постель. Завтра Эбби, вероятно, будет в школе, и тебе придется приехать к открытию?

– Зачем ты напомнила... – простонала я и капитулировала в постель.

В этом доме у меня одной была собственная комната. Пабло стукнуло двадцать шесть, а он все еще делил спальню с Мэттью. Мама же ночевала в гостиной, переходящей в кухню. Но по крайней мере у нас была крыша над головой в отличие от Дороти.

Стягивая с себя одежду, я ойкнула от боли. Что-то уколело грудь – булавка, на которую Эбби днем прикрепила лавандовую ветвь, только вот сама веточка пропала. Наверное, свалилась по пути. Не беда, завтра нацеплю новую. А пока мне срочно требовались постель и телефон – я собиралась позвонить Коннору. После долгих гудков ожидания я все же услышала голос по ту сторону трубки.

– Да? – прохрипел он сонно.

– Привет. Спишь?

– Уже нет. Что ты хотела?

– Во-первых, поговорить, а во-вторых... ты не мог бы... встретить меня завтра с работы?

Повисло молчание.

– Встретить? На машине?

– Угу. Сегодня возникла такая страшная ситуация, что я...

– Слушай, Сел, мне завтра к шести утра в контору. Нужно выспаться. Давай я встречу тебя во вторник, завтра столько дел вечером...

– Но ты ведь даже не выслушал...

Гудки. Он что, бросил трубку? Супер. Впервые мне было по-настоящему обидно. Меня чуть не уколошили, а он и слушать не захотел! Где же тот улыбчивый, заботливый парень? И черт с ним. Мне тоже нужно хорошенько выспаться. Рассвирепев, я повернулась к стенке, укуталась в одеяло и закрыла глаза.

Он стоял передо мной. Шляпа сдвинута набок, открывая темные волосы с бронзовым отливом. От черного пальто резко пахло табаком и порохом. Глаза самого дьявола смотрели на меня, его рука скрывала что-то за спиной. Я не могла отвести взгляд. Что он прячет? Пистолет? Кинжал? Мое подсознание подкидывало догадки, кричало: «Спасайся!» – но я почему-то не могла пошевелиться. Как только он дернул рукой и наставил на меня дуло пистолета, я с криком подпрыгнула в кровати, широко распахнув глаза.

Телефон сообщил, что сейчас только шесть утра. Должно быть, Коннор уже в конторе, и поделом ему. Я вновь упала на подушку, откидывая вездесущие волосы. Ощувив потную простыню, вспомнила свой кошмар. Доки. Выстрел. Щетка. Глаза дьявола. Далее я принялась вертеться с боку на бок точно в приступе психического припадка. Мистер Берч! «Идиотка!» – отругала я себя.

Страх накрыл меня паралитической волной. Я уже и не помнила, когда в последний раз бегала, а чтобы так быстро, как вчера, и вовсе не случалось. Воспоминания о вечере уже не дадут мне уснуть.

В голове то и дело повторялся звук выстрела, бьющий по перепонкам, а перед глазами маячил призрачный образ бандита. Но нужно было бороться с эмоциями – я чувствовала ответственность за то, что еще не разузнала, как там мистер Берч.

Выйдя из комнаты, я вдруг осознала, какое это счастье

– просыпаться первой в большой семье. Свободная ванная, пустая кухня, да и туалет в моем распоряжении. Так можно и раз мечтаться о собственном жилище! Сходя в душ, я обернула волосы полотенцем и пошла шарить в холодильнике. Вчера мама приготовила сырныe и мясныe лепешки – то, что доктор прописал. Знаю, многие от стресса теряют аппетит, а у меня он, наоборот, становится зверским. Мои округлыe ягодицы тому свидетели.

– Дева Мария, ты что здесь делаешь?

Эх, недолго музыка играла...

– Привет, Мэтт. Так, захотелось собраться и позавтракать в тишине.

– И ты пожертвовала сном?! Ты?!

– Как видишь. Будешь лепешки?

– Я за ними и пришел.

Мэттью было семнадцать, как и Эбигейл. Младший сын Хавьера Гарсия походил на отца разве что широкими плечами и ростом в отличие от старших детей. Мы с Пабло и между собой были сильно схожи – пухлыми губами, широким носом и темными, шоколадными волосами. А еще смуглой кожей. Мэттью считался бы приемным, если бы не был так похож на маму. Элейн Гарсия, урожденная Гилмор, обладала светлой, почти прозрачной кожей. Ее блеклыe голубые глаза, узкий рот, высокий лоб и тонкий носик – все это передалось младшему из детей.

– Давно ты виделся с Эбигейл? – рискнула спросить я.

– Эм... мы вообще-то в одном классе учимся, – потупился Мэттью, поправляя длинные белесые волосы.

– Да я не о таких встречах!

– Ну, я забегал в кофейню в прошлую субботу. Мы вместе ехали до дома, ты еще в тот день ушла раньше. А что?

– Да так просто...

Мэттью сдвинул брови, но ничего не ответил и принялся уплетать лепешки, запивая их чаем. Я и не заметила, как минутная стрелка приблизилась к семи. Пора придавать моему опухшему лицу праздничный вид. Вернувшись в комнату, я сбросила полотенце на уже застеленную односпальную кровать. Комнатка у меня была маленькая, и, чтобы вместить комод и косметический столик, пришлось пожертвовать широкой периной. Перед зеркалом я наредила густые, но не слишком длинные ресницы, подводкой подчеркнула глубину голубых (редкость для испанцев, спасибо маме) глаз, оставила нетронутыми пухлые губы и высушила волосы. Моя длинная волнистая грива приносила массу проблем, но состричь концы больше чем на пять сантиметров я не решалась. Не хочу, и все тут. Не могу объективно оценить свою внешность, но волосы всегда вселяли уверенность, что одних моих темных кудряшек достаточно для того, чтобы отвлечь взгляд от широкого носа с горбинкой.

Я вдруг почувствовала странный приток тепла, словно к спине обогреватель приставили. Шокированная, я обернулась к окну. Это что? Солнце? В Бирмингеме? По такому

случаю можно и платье надеть! Сорвав с вешалки легкое красное платье в пол, расшитое мелкими белыми цветочками, я быстро оделась, традиционно огорчившись видом своих бедер. Разве могут к узким плечам и тонкой талии прилагаться такие пышные ягодицы?! Эбигейл утверждала, что именно этой частью тела я цепляю мужчин. О каких мужчинах шла речь, осталось загадкой.

– Селина, завтрак! – донеслось из кухни.

– Спасибо, мам, я уже ела.

– Когда?! Ты что, уже собралась?! – Мама удивленно смотрела на меня, вытирая руки полотенцем. – Что это с вами сегодня? Мэттью ушел ни свет ни заря – к первому уроку...

– Весна, наверное! – Я не стала уточнять, что спешу проверить разграбленную лавку и удостовериться, что мой «сосед» жив. – Пока, мамуля!

Автобус пришлось ждать минут двадцать, но я ничуть не расстроилась, радуясь редким солнечным лучам. Воткнув наушники, я с наслаждением погрузилась в мир своих грез. Сегодня мой маршрут начался с Arctic Monkeys – «Do I Wanna Know?». Эта песня наполняла страстью, которая дремала во мне вот уже двадцать третий год, не получая возможности вырваться наружу. Помимо меня в автобусе было всего две старушки, поэтому я не стеснялась петь вслух. В остальном я была довольно скромной, но когда дело доходило до музыки...

Я наблюдала за машинами, продолжая протягивать мелодию, пока пассажир болотно-зеленого внедорожника слева от автобуса не выставил руки из окна и не поднял большие пальцы вверх. Смущалась я недолго – как только автобус свернул налево, я продолжила напевать.

– «Снова ползу к тебе...» – совсем уж распелась я, пока сам водитель не похлопал меня по плечу.

Я и не заметила, что мы подъехали к докам.

– Спасибо, мистер Диккенс, – бросила я и выскочила на улицу.

Я была знакома с тремя водителями лично, настолько часто ездила по их маршруту. Часы на главной высокой башне кирпичного здания отбивали восемь утра, но вместо того, чтобы открыть кафе, я ринулась к хозяйственному магазину. Осколки прибрали, и, видимо, ночью разбитое оконное стекло было заменено на новое. Будто ничего не произошло. Но ведь я точно слышала выстрел!

На двери висела табличка «Закррито». Странно, магазин открывался, как и мое кафе, в восемь. Мистера Берча не видно; может, и не было его вчера вечером в магазине? Так кому же потребовалось разбивать окно, стрелять, а затем все это дело восстанавливать? Чертовщина.

– Мисс Гарсия, сногсшибательное платье! – О нет... на встречу мне шел Нил Буш. – Моя бабуля Сэсси как-то навещала нас в подобном, и...

– И тебе доброе утро, Нил. – Низкосортный юморист! –

Ты не слышал вчера здесь никаких... звуков?

– Ты о выстреле? О полицейской сирене? – прямо спросил он. – Или о том, что утром я нашел свою щетку, плавающую у помоста?

Я мило улыбнулась, блеснув зубами и надеясь, что буду прощена.

– Как только мистер Берч придет, куплю тебе новую, – пообещала я.

– Мистер Берч не придет, – резко ответил он, скрестив руки на груди.

Мое сердце подпрыгнуло. Нил Буш подошел ко мне почти вплотную, заграживая собой солнце. Его пшеничные волосы были приглажены гелем, а серые безжизненные глаза уставились на мое тело. Несмотря на теплый день, я ощутила бегущий по коже мороз.

– Почему... не придет?

– Ты ведь слышала выстрел.

– О господи... – Я прижала руку к щеке. – Неужели его...

Я ведь вызывала полицию...

– Типун тебе на язык! Жив и здоров твой старик! Только вот магазина у него больше нет.

Я снова посмотрела на закрытую дверь. Да вот же он – стоит, где и стоял.

– Ты слышала о банде Эльберга? – спросил Нил, переходя на шепот.

– Нет, я вообще ни о каких бандах не слышала. Только об

итальянской мафии, и то...

– Нет, это не мафиози. Хотя, может, в Италии они бы ими и были. Короче говоря, Эльберг давно скупает недвижимость в районе доков, и не только – его банда также орудует в Лондоне.

– И до них до сих пор не добралась полиция? Разве сюда не приезжал полицейский патруль?

Нил Буш улыбнулся так, будто я выпалила несусветную чепуху.

– Ох, Селина, в наивном мире ты живешь. Может, тебе еще за моей спиной единороги с радугой мерещатся? Были здесь твои стражи порядка. Только не нашли никого. Явились минут через двадцать-тридцать после выстрела. Окно успели заменить, лавка оказалась пуста.

Захотелось плюнуть ему в лицо, но я удержалась. И как этим негодяям удалось так быстро замести следы?!

– Нил, если тебе нечего мне больше сказать о выстреле и мистере Берче, то мне пора открывать кафе.

– Я просто скажу, чтобы ты была осторожна. Особенно по вечерам.

– А сам ты соблюдаешь осторожность? В твоём пабе еженедельные разборки, переходящие в драки.

– Поверь, местные пьянчуги – меньшее, что должно меня беспокоить. На то у меня и паб. А вот когда в гости заходят члены банды Эльберга, вот тогда...

– Погоди, ты знаком с ними лично?

– Конечно, нет, образно выражаюсь! Никто не видел людей Эльберга в лицо. Ты что же, думаешь, они убивают и воруют напрямую? Их действия никто не успевает отследить, потому что они идеально заматают следы. Устраивают несчастные случаи тем, кто отказал им в... поддержке.

Я снова осмотрела тропу, очищенную от осколков.

– Беги, Селина, мне и самому пора принимать товар, – наконец попрощался Нил и повернул к своему пабу.

Я мотнула головой, усваивая информацию. Сегодня вывеска моей кофейни не вызвала благоговения, оттого я быстро провернула ключ и сразу приступила к подготовке аппаратов. Так же спешно приготовила суп дня – по понедельникам был луковый, – расставила сэндвичи, записав в телефон, какие подходили к концу, чтобы заказать поставку. Понедельник – скучный день. Да и вообще по будням редко заходили туристы, иногда везло на офисных работников, отлучившихся в обеденный перерыв за чашечкой кофе. Но сегодня мне хотелось видеть только одного посетителя – мистера Берча. Мне было необходимо лично удостовериться, что он в порядке, и разузнать у него о продаже магазина, потому как Нил своей манерой речи выводил меня из себя.

Оставалось только ждать приезда Эбби, без нее здесь было слишком тихо. С одной стороны, было время насладиться ароматом лаванды, тишиной, почитать книгу за стаканом кофе, с другой – мысли норовили захватить мой беспокойный разум. Я не бывала в кафе уютнее «Лавандовой ветви»,

но и прибыли она толком не приносила. Нужно было раскручивать, рекламировать свое дело.

Сегодня – то ли редкое солнце так повлияло на англичан, то ли весна совсем уж разыгралась – за каких-то пару часов я обслужила уже двадцать клиентов! Как не вовремя Эбби взялась за гранит науки. К обеду зашла Дороти. Я без слов поставила чашку латте и тарелку супа на ее столик. Расщедрилась и на круассан – после такой-то выручки.

– Селина, да ты меня балуешь! – смеялась женщина. Смех ее напоминал двигатель грузовика.

– Не знаешь, отчего сегодня так много народу в доках?

– Говорят, на месте хозяйственного магазина сегодня откроют антикварную лавку. Может, хотят поучаствовать в аукционе?

– Аукцион? Лавка? Да там же места не хватит, чтобы собрать столько людей.

Зачем вообще понадобилось открывать антикварную лавку? Их полным-полно в столице, популярностью они не пользуются. В доках у нее вообще нет будущего.

– А черт их разберет, дорогая. Я в заскоках богачей не разбираюсь. Что же до аукциона, так его будут проводить перед твоей «Лавандовой ветвью».

– Чего?

Я присела на соседний с Дороти стул, ничуть не смущаясь ароматного букета, исходившего от нее.

– Да вот же, милая, уже и стулья расставили.

Теперь пришлось подойти к двери. И как я не заметила огромную сцену посреди нашего дворика?

– Это в честь открытия.

На стульях уже разместилось с десяток людей, все они выглядели так, точно доход их был выше среднего. Половина мило беседовала между собой, другая половина вела себя сдержанно, холодно.

– Кошмар... – протянула я.

– Теперь тебя не радует возможная выручка?

Я не ответила, вернулась за кассу и пересчитала деньги. Дороти уже ушла, когда в кафе вошли две светские леди. От них за версту разило роскошной жизнью, начиная с элегантных пальто, заканчивая туфельками от Джимми Чу. Их прически отвечали последнему писку моды. Обе блондинки улыбнулись мне яркими губами.

– Добрый день! Средний латте, пожалуйста.

– Здравствуйте, конечно. Сироп?

– С миндалем.

Блондинка, делавшая заказ, продолжала улыбаться, располагая к себе, в то время как вторая, чьи алые губы надменно сжались, избавившись от доброжелательной улыбки, разглядывала десерты, пока взгляд ее не остановился на корзинке с лавандой.

– Подскажите, а что у вас за суп дня? – спросила милая блондинка.

– Сегодня – луковый.

Ту, что была с алыми губами, передернуло.

– Вам тоже кофе? – решила спросить я.

– Угу. Большой латте. Есть кокосовый сироп?

– Конечно.

– Отлично. Еще упакуйте мне кусок «Красного бархата».

Отдав милой женщине сдачу, я взялась за заказ Стервеллы¹. Аккуратно положив контейнер с тортом на дно бумажного пакета, я придвинула ей терминал для оплаты картой.

– Что за талисманы? – спросила миловидная женщина, кивнув в сторону таблички, расписанной Эбби.

– О! – Я совсем забыла, что следовало вручить веточки вместе с кофе. – По старинному поверью, лавандовая ветвь способствовала встрече с мужчиной. С настоящей любовью. Талисман прилагается к чашечке кофе!

– Шерил, это то, что надо! Отдайте ей обе! – расхохоталась обладательница миндального латте.

Шерил бросила на нее кроткий уязвленный взгляд.

– Чушь собачья, – бросила она мне.

– Я не настаиваю. Веточка лаванды может быть использована и как аксессуар, который придется очень кстати на вашем белоснежном пальто, – улыбнулась я как можно шире и достала булавку. – Вот, можете прикрепить.

Шерил была удивлена моей навязчивостью и все же не возразила, когда я прицепила ей импровизированную

¹ Стервелла Де Виль – отрицательная героиня мультипликационного фильма «101 далматинец».

брошь. Только сейчас я догадалась, что ей, вероятно, неприятно носить на своих дорогих одеяниях чахлую ветвь.

– Спасибо за кофе, – монотонно произнесла Шерил и застучала каблуками к выходу. – Мадлен, поспеши!

– Вот, это вам. За выдержку, – хихикнула Мадлен и бросила в копилку с надписью «Коплю на отпуск» пять фунтов.

Не успела я возразить, как обе блондинки выбежали из кофейни, оставив за собой душистый шлейф. До чего удивительный день! Либо судьба смилостивилась надо мной после пережитого ужаса, либо мне стоило благодарить этого Эльберга за аукцион, если, конечно, он к нему причастен.

Еще через два часа явилась запыхавшаяся Эбигейл. Мне моментально передались ее неумный энтузиазм и склонность к болтовне.

– Эбби! – Я крепко сжала ее в объятиях.

– Сел, что это с тобой? – подозрительно оглядела меня подруга. – И что это за аншлаг во дворе?

Я рассказала Эбби о том, что магазинчик Берча перекупили, но опустила историю с выстрелом и бандой, опасаясь за свою несовершеннолетнюю девочку, так как знала ее пронырливость и излишнее любопытство. Стоило ей рассказать о криминале, и она непременно бы пошла к Нилу выяснять подробности.

– Удивительно. Старик Берч вот так взял и продал свое сокровище?

– Сама в шоке, – убедительно взмахнула руками я.

– Ого! – воскликнула Эбби, увидев наличку за кассой. – Да сегодня денежный дождь! Не хочешь посетить аукцион?

– Для чего? Еще отчетливее ощутить свою финансовую дыру?

– Может, будет что-нибудь интересное! Давай отдохни!

Эбигейл накинула на меня мое же пальто и вытолкала за дверь моей же кофейни. Ах, настоящий бесенок!

Я выбрала самое неприметное место в последнем ряду и со скучающим видом рылась в телефоне, пока оглашали лоты. Только изредка округляла глаза от запредельных сумм, предложенных за старые безделушки. Признаюсь, некоторые из них были действительно красивы, и будь я немножко богаче, обязательно бы приобрела что-нибудь для украшения «Лавандовой ветви».

Надо же, я и не слышала, что Коннор мне писал:

К: Привет. Завтра не получится тебя встретить, улетаю в Канаду.

С: Ты считаешь, что бросать трубки – нормально? Ты ведь даже не дослушал мою историю!

Да, я возмутилась. За четыре года я еще ни разу не закатывала Коннору сцен, но его равнодушие выбило меня из колеи. Минут через десять телефон завибрировал:

К: Ты разбудила меня среди ночи! Перед ответственным днем! Что там у тебя?

С: Ничего.

К: Шутишь? К чему тогда наезды?

С: Когда мы увидимся?

К: Можно в воскресенье, но ненадолго. И это пока не точно.

С: Ясно. Напиши мне в субботу.

К: Пока.

Вот это диалог! Сама общительность. Пытаясь разобраться в своих чувствах, я не ощутила ни обиды, ни грусти. Мы настолько отделились, что я не испытывала горечи или гнева, лишь смиренно вздохнула и отложила телефон. К черту аукцион, скукотища. Я вернулась в кафе, где Эбигейл обслуживала целую *очередь*. Очередь в «Лавандовой ветви»? Да сегодня никак солнечное затмение?

– Добрый день! Что будете заказывать? – встала я рядом, разделяя очередь пополам.

Заказы сыпались и сыпались, и так до самого вечера. Эбби умчалась домой в районе девяти, оставшийся час я перебирала полки за стойкой и откладывала крупную выручку в кошелек, чтобы отвезти домой. Раз уж здесь орудует банда, то и без того скудные сбережения следовало припрятать.

Раздался звонок колокольчика.

– Еще работаете?

– Да-да! – бросила я, продолжая сидеть на корточках и захлопывая последний ящик.

Расправив платье, я обернулась к гостю с лучезарной улыбкой.

– Что будете за...

Я онемела. Улыбка померкла. Дьявольские глаза, сводившие меня с ума всю ночь, смотрели прямо на меня.

Глава 3

– Заказывать? Холодный кофе делаете?

Его голос пробудил во мне чувства, схожие с теми, что вызывали песни. Не самые добропорядочные. Глаза Дьявола сверкнули озорным огоньком, он сложил руки на стойке, приблизив ко мне лицо. Не буду юлить, лицо было красивым. Даже чересчур. Отросшая щетина, ровный острый нос, длинные ресницы и поблекшие веснушки на переносице. Шляпу он снял и держал в сложенных руках, демонстрируя каштановые волосы с бронзовым отливом. Пытливая улыбка не сходила с его губ. Весь его вид заставлял трепетать и в то же время опасаться. Руки затряслись, и все, чего мне хотелось, так это кинуть в него круассаном. Или тортом.

– Ку-ку?

– Убирайтесь, – процедила я. Понятия не имею, откуда взялась эта смелость.

– Вы всех клиентов так обслуживаете? – злорадно хмыкнул он.

– Нет, только преступных мерзавцев! – Теперь улыбнулась я.

Дьявол сдержал смешок.

– Значит, не будет никакого кофе?

– Если не хотите схлопотать ведром по голове – нет, не будет.

Я сжала руки в кулаки, выпрямила спину и напрягла глаза, чтобы этот негодяй не подумал, будто я избегаю его темных очей.

– И никакой благодарности... В любом случае я хотел вернуть талисман. Судя по корзинке, он ваш.

Дьявол, или... кажется, его звали Райан? В общем, он положил на стойку ветвь лаванды и медленно придвинул двумя пальцами ко мне.

– И как, работает? – ухмыльнулся он.

– Кажется, вместо мужчины я привлекла нечисть, – заметила я.

Теперь Дьявол дал волю смеху. Его раскатистый томный хохот разнесся по кафе.

– Доброй ночи, мисс Лаванда, – улыбнулся он. – Надеюсь, в следующий раз вы будете более клиентоориентированы, не то придется писать жалобу...

Я замахнулась на него термочашкой и швырнула ее со всей силы, только вот Дьявол уже успел скрыться за дверью, и кружка с грохотом ударилась о столик. Вопиющая наглость! Во мне бурлила ярость, граничащая с ненавистью.

– Заявился в мое кафе! – обращалась я к кассовому аппарату, закрывая смену. – Хорошо хоть без пистолета!

Пистолет. В голове тут же прозвучал ночной выстрел, оглушительный, способный заковать в путы страха. Пока я одевалась, осознание произошедшего навалилось с новой силой. Я нахамила члену банды. Члену крупной, безжалостной

банды. Теперь меня ждет несчастный случай или откровенное огнестрельное ранение в лоб? Нет, все же стоит настоять на том, чтобы Коннор отныне забирал меня после закрытия.

Сегодня наушники в моих ушах появились раньше, чем я села в автобус. «Why'd You Only Call Me When You High?» заполонила сознание приятным голосом солиста группы Arctic Monkeys. Я тихо напевала финальный припев на остановке, не замечая прохожих.

Домой я снова заявила на нервах и вздрагивала от гудков автомобилей снаружи. У мамы, как и у многих матерей, была способность считывать состояние своего ребенка по одному взгляду. Она не попросила помощи ни в уборке, ни в готовке, потому что понимала мою усталость. Мне не хотелось разговаривать даже с братьями, я мечтала завалиться и хорошенько выспаться. Но Дьявол и сегодня нарушил мой сон, несколько раз выстрелив в меня в царстве Морфея.

– Вот же черт! – выругалась я, подлетев в постели. – Четыре утра?!

Бухнувшись на подушку, я постаралась уснуть. Нет уж, сегодня мне следовало подремать хотя бы до семи часов. Только вот мой разум не был со мной солидарен и принялся анализировать недавнюю встречу. Дьявол заявил, что от меня не последовало никакой благодарности. И за что же мне быть благодарной?! Наглец. В памяти всплыл вопрос: «Райан, есть там кто?» Он прикрыл меня. Дьявол не выдал моего присутствия и за это теперь ожидает благодарности?

Я снова села, только сейчас осознав, какой опасности подвергла себя прошлой ночью. Ведь в лавке был кто-то еще, и одно мое неловкое движение, шум, возглас или слово Райана, и... Нет, на ночь глядя не стоит думать о других стечениях обстоятельств.

Осталось принять тот факт, что он выгородил меня. Но зачем? По сути, я представляла опасность. Банда Эльберга, по словам Нила, коварные профессионалы, неуловимые преступники, которых даже полиция не может отследить. Как непринужденно они очистили улицы в тот вечер, как грамотно подстроили скачок электричества, отключив фонари. Я была лишними глазами. Свидетелем. Но о моем присутствии все же знал один человек, и только Богу известно, *что* его падший ангел сделает с этой информацией. Переутомившись от размышлений, я все же уснула.

* * *

Неделя пролетела незаметно. Спокойный, привычный ритм был нарушен, а потому и время ощущалось иначе. Меня слово выдернули из затяжной спячки. Коннор все это время работал в Канаде, сообщений и звонков от него не поступало. Лишь в субботу я получила сообщение:

К: Завтра заеду за тобой в кафе в шесть вечера.

С: Ок.

Это был наш первый диалог после той переписки на аук-

ционе. Он не интересовался моими делами, я не расспрашивала о Канаде. Если бы не его сообщение, я бы и забыла про воскресенье. В мое кафе повалили клиенты, а потому все свое внимание я концентрировала на том, чтобы создавать для них вкусный кофе, качественный обед и уют. «Лавандовая ветвь» обзавелась новыми постоянными гостями, в частности женщинами, слышавшими от Шерил и Мадлен о забавном талисмани. Смех смехом, а глаза этих дам пылали интересом, когда вместе с чашечкой кофе они получали заветную ветвь.

Аккаунт «Лавандой ветви» в социальных сетях тоже набирал обороты. Посетители ввели хэштег, по которому делились фотографиями кофе, веточками и надеждами на то, что талисман действительно сработает. И самое важное, Дьявол больше не заявлялся в мою кофейню.

Наступило воскресенье. При мысли о скорой встрече с Коннором внутри разыгрался давно потухший трепет. У меня было предчувствие, что после долгой разлуки отношения заиграют яркими красками. Однако ни сердитая физиономия Коннора, выглядывающего из-за руля своего BMW, ни новость о том, что мы снова пойдем в кино, не оправдали моих ожиданий.

– Как Канада? – спросила я, запрыгивая на пассажирское сиденье.

– Нормально, – отвечал он протяжно.

– А в конторе как дела? Прибыль увеличилась?

– На восемь процентов.

– Как твои родители?

– Улетают в Грецию, контора будет на мне всю неделю.

– Понятно.

Ни одного вопроса обо мне, ну и ладно. Он, кажется, даже ни разу не взглянул на меня, а ведь я специально вырядилась в его любимую полупрозрачную водолазку цвета оникса и черную облегающую юбку до колен.

– Что будем смотреть?

– Выберем на месте.

– Слушай, может... сходим в кафе?

– Тебе свое-то не надоело? – парировал он, все же обратив на меня взгляд покрасневших глаз.

– Ну, можем прогуляться в Кэннон-Хилле.

Он устало вздохнул и забарабанил пальцами по рулю, часто поглядывая в телефон. Но не на время, нет. Экран был разблокирован, Коннор обновил мессенджер.

– Какие-то дела?

Я будто вернула его на землю, Коннор тут же нажал кнопку блокировки и убрал телефон.

– Ладно, парк так парк.

Шины заскрипели на развороте, и автомобиль двинулся в сторону моего самого любимого места в Бирмингеме. После доков, конечно.

В парке Коннор держался отстраненно, сначала попробовал взять меня за руку, но почему-то сразу полез в карман за

телефоном. Любопытно, его интерес связан с работой или...

– С кем переписываешься?

– Не твое дело.

Я словно оплеуху получила. Скрестив руки на груди, я устремила на него гневный взгляд, остановившись прямо посреди тропинки.

– Коннор, что происходит?

– Ничего не происходит.

– Зачем мы здесь?

– Шутишь? Это ведь тебе приспичило прогуляться.

Его тонкие губы сомкнулись, а русые волосы растрепались на ветру.

– Я имею в виду, зачем мы вообще встретились? Неужели тебя не напрягает то, что между нами происходит? Мы видимся раз в неделю-две. Общаемся, как... едва знакомые.

Его глаза цвета грецкого ореха смягчились.

– Мы просто заняты своими делами. У тебя кафе, у меня контора.

– И что? Ты мог бы забирать меня по вечерам, ведь ты заканчиваешь не позже шести...

– Не всегда. Ты представляешь, какие это затраты? Как материальные, так и моральные. К девяти я с ног валюсь.

– Тогда ответь на вопрос: *зачем мы вместе?*

Коннор отвел взгляд на цветочную клумбу, пестрящую маргаритками.

– Затем, что мы вместе целую вечность и дороги друг дру-

гу.

– А дороги ли?

Его пальцы притянули мой подбородок, а губы нежно прижались к моим губам. Я вдохнула родной аромат сандалового дерева, прижавшись к его груди.

– Поехали ко мне?

Я согласилась. В конце концов, физические потребности (правильнее сказать, потребность в сексуальных утехах) никто не отменял, а я знала, зачем мы едем к нему. Не представляю, откуда в нем проснулось резкое желание. А может, оно томилось все это время, и теперь мы полночи не могли уснуть. Я доводила его до изнеможения сверху, он демонстрировал свою власть, пристроившись сзади. Мы заснули в объятиях, о которых позабыли несколько месяцев назад.

Я проснулась первой. Что-то настойчиво тренькало, и, разлепив глаза, я увидела телефон Коннора на прикроватной тумбе. Солнце взошло, возвещая о наступлении понедельника, и, черт возьми, я могла проспять работу! Схватив телефон Коннора, чтобы взглянуть на время, я наткнулась на пару уведомлений. Кровь застыла в жилах.

Ким: Куда ты пропал? Ты ведь обещал заехать за мной.

Ким: Так дела не делаются, Коннор! Ты ведь писал, что скучаешь!

Я сглотнула подкатившую тошноту. Медленно положив телефон на место, встала с кровати на ватных ногах. «Дыши, Селина, дыши», – повторяла я, стараясь унять ноющее

сердце и подступающую рвоту. Я взглянула на Коннора. Русая шевелюра, мокрая от пота, закрывала лоб. Лицо источало умиротворение, спокойствие. Этот козел был спокоен, а я... разрывалась на тысячи частей!

Не помню, как оделась и как мне удалось бесшумно удалиться из его дома. Семья Коннора жила в районе шикарных частных домов, и добираться отсюда на работу было намного сложнее и дольше, чем если бы я ехала из своего района. Я последний раз посмотрела на его роскошный дом. Окна третьего этажа были нараспашку – ночью нам стало жарко, и мы решили впустить прохладу. От воспоминаний о его прикосновениях я вздрогнула, с ненавистью оглядела белую, окруженную кустами пионов беседку и бросилась наутек.

Слезы обжигали щеки, пока я ждала такси. Я редко пользовалась таким элитным способом передвижения, но других вариантов, чтобы успеть к открытию, не было. Как только я села в машину, сразу достала телефон и принялась строчить Эбигейл:

С: Эб, ты сегодня в школе?

Э: И тебе доброе утро. Нет, сегодня у нас матч в другой школе, так что я пас. Я уже на подъезде.

С: Слушай, я приеду к вечеру, ладно? Часам к семи, и ты сразу поедешь домой.

Э: Что-то случилось?

С: Усталость навалилась. Пожалуйста, угости Дороти в мое отсутствие.

Э: сердитый смайлик.

– Будьте добры, сверните к Стейшн-стрит, – обратилась я к водителю.

– Как скажете.

Мы подъехали к кинотеатру. Мне отчаянно хотелось убежать, спрятаться, упасть и утонуть в слезах. Только бежать было некуда. Дома слишком много лишних глаз, на работу с красными глазами я заявиться не могла, в парке... в парке мы были вчера с Коннором, и это только сильнее ранит сердце.

В кино идти передумала, представив, как будут беситься зрители, слушая мои завывания. Пришлось бродить по улицам неприкаянной. Я купила багет и присела на лавочку, чтобы покормить голубей или чтобы самой пожевать теплое тесто – не знаю. Я ничего не чувствовала, кроме адской боли, вызванной предательством. Как ни пыталась я истолковать сообщения некой Ким, у меня не нашлось ни одного разумного объяснения. Точнее, аргумента в защиту Коннора.

Интересно, думал ли он о ней, когда приглашал меня к себе? Когда зажимал в кулак мои волосы и ненасытными толчками возвращал меня к жизни? Наверное, думал. Ведь все пошло не по плану. Вместо быстрого просмотра фильма и встречи с Ким ему пришлось таскаться по парку. Вероятно, не получив желаемого от Ким, он решил снизойти до меня. Просто удивительно, что он меня выбрал.

– Вот вы все кормите этих крылатых тварей, а они гадят

по всей аллее! – буркнула проходившая мимо старушка.

Я покосилась на нее и воздержалась от комментариев, но кормить голубей не прекратила. Совсем забыла о музыке! Утерев слезы, я включила Лила Пипа «Star Shopping». «Не могла выбрать еще более трагичную песню?» – спросил у меня разум, и я тут же послала его подальше, слушая любимого исполнителя. Пока я наслаждалась красивым текстом песни, пришло сообщение от Коннора:

К: Ты на работе? Почему не разбудила?

Я заблокировала телефон и продолжила листать плейлист, решив немного размять ноги. Спустя полтора часа я добрела до доков. Оказывается, пешая прогулка с музыкой в ушах еще приятнее поездки на автобусе, но в другие дни у меня на нее не нашлось бы ни сил, ни времени. На подходе к кафе я вытащила наушники.

– Да, скоро буду ездить на собеседования в колледжи. – Звонкий голосок Эбигейл был слышен за столиком у стены.

Надо бы ее отругать за вольное поведение и пустую стойку, но ведь клиентов не было, да и Эбби меня сегодня выручила. Я включила фронтальную камеру: глаза у меня да и кончик носа еще были красными, предательски выдавая недавние слезы. Но как только я увидела, с кем так непринужденно щебечет рыжеволосая девчонка, и горе, и спокойствие меня тут же покинули.

– Выметайся отсюда, – прорычала я.

Дьявол медленно, грациозно обернулся и оценивающе

оглядел меня. На нем было длинное темно-коричневое пальто; шляпы на этот раз не было; под верхней одеждой скрывались светлый джемпер и темно-синие брюки. Ехидная улыбка не сходила с его губ, он выпрямился на стуле. На соседнем стуле сидела возмущенная Эбигейл – в фартуке поверх сиреневой толстовки. На столе виднелись опустевшие кофейные чашки и надломленный чизкейк. Сколько же они тут просидели? Я заставила себя оторвать взгляд от презентабельного, влекущего Дьявола.

– Селина! Как ты можешь...

– Я дважды не повторяю, – снова рыкнула я.

– Селина...

– Молчи, Эбби!

– Я всего лишь забежал за стаканчиком холодного кофе, – улыбался он. – Хорошего вечера, Селина.

Он растянул мое имя, точно пробуя на вкус, затем прошел в сантиметре от меня к выходу. Что-то вне сознания и реальности вызвало импульс – захотелось перехватить его руку, остановить, поговорить, но я вовремя сжала кулаки. В нос ударил уже знакомый мне запах табака и пороха. Как только дверь за Дьяволом закрылась, Эбби вскочила со стула:

– Селина, как это понимать?!

– А как понимать, что ты воркуешь с гостями, а касса пуста?!

– Да ведь кафе пустое! – возмущался рыжий бесенок, надув губы. – Зачем ты так?

– Он... нехороший человек, Эбби.

– Откуда тебе знать? – Глаза у Эбби округлились. – Поймай, вы знакомы?

– И да и нет. Не до этого сейчас, Эбс.

Тут-то она и заметила мое раскрасневшееся лицо, лопнувшие сосуды в глазах и следы слез на воротнике пальто.

– О боже, Селина... Что-то все-таки случилось?

Эбигейл обняла меня, погладила по волосам и, зная мои предпочтения, побежала делать холодный латте с лавандовым сиропом. Аппарат зашумел, я подошла ближе и принялась перебирать оставшиеся веточки лаванды.

– Это козел Коннор, да? Он тебя обидел?

– Все намного хуже, Эбби. Мы...

Я рассказала ей обо всем, кроме того, чем мы занимались всю ночь. Эбби то охала, то бранилась на чем свет стоит. Я не могла сдержать смеха, хотя во время повествования у меня снова покатались слезы. В итоге Эбби доработала со мной смену, и мы вместе поехали домой. Без музыки. В молчании. Только ее рука всю дорогу не переставая сжимала мою.

Глава 4

– И все же я не пойму, что же ты так взъелась на этого красавца в дорогушем пальто? – спрашивала Эбби, пока мы брели каждая к своему дому.

– Красавца? Господи, ты про этого Дьявола?! – Я издала смешок. – Скажи, он угрожал тебе?

– У тебя сегодня что-то с головой. С чего бы ему мне угрожать? Он заказал кофе, оставил щедрые чаевые...

– Сколько? – взыграло мое любопытство.

– Тридцать фунтов, Сел! Это, между прочим, больше, чем наша выручка еще две недели назад.

– Тридцать?! – Я оторопела и чуть не врезалась в велосипедиста. – Неслыханная щедрость. Чем же ты его очаровала?

– В том-то и дело, Сел, что ничем. Сделала кофе, он тут же принялся его попивать, рассевшись на стуле. Для меня, конечно, он староват, а вот для тебя...

– Я что же, по-твоему, уже старая перхоть? – ущипнула я рыжего бесенка.

– Ай! Ему уж точно не двадцать два, может около двадцати восьми... Короче! Он начал расспрашивать меня о кофейне. Вернее, о том, почему я решила там работать, потому как по мне видно, что я еще и школу не успела окончить. Ну и понеслось. Я ему с потрохами выложила свою несчастную судьбу дочери бедных, зависимых родителей.

– Я знаю тебя больше десяти лет и никогда бы не подумала, что ты откроешь душу незнакомцу, – фыркнула я. Мне совсем не понравилось, что Эбби посвятила этого бандита в подробности своей жизни. – Послушай, Эбби... Его нужно остерегаться. Ни в коем случае не говори с ним о личном, не упоминай никаких подробностей...

– Селина, да у тебя никак паранойя? Ты говоришь так, словно он какой-нибудь маньяк.

«Может, и того хуже!» – пронеслось в голове.

– Просто прислушайся ко мне, договорились?

– Ладно... – недоверчиво протянула она. – Кстати, в среду меня не будет. Мы с Мэттью пойдем на выставку, которую я долго ждала, и... завтра тоже завал с уроками.

– Ни слова больше! Ты вольна идти куда захочешь, – выпалила я, взволнованная новостью о долгожданном свидании (кажется, я ждала его больше, чем Эбби и мой младший братишка Мэтт).

Уже на подходе к развилке мы остановились, чтобы попрощаться. Фонари светили на последнем издыхании, улицы потихоньку пустели.

– Ты справишься завтра без меня? И вообще, ты ведь собираешься высказать этому козлу Коннору, что он настоящий козел?

– Пока не решила. В голове кавардак, вообще не соображаю. Ощущение, что я прочла эти сообщения не утром, а неделю назад.

– Если что, звони мне в любое время.

Эбби снова крепко обняла меня и поцеловала в щеку. Когда ее морковная макушка скрылась за многоэтажным зданием, я двинулась домой. Признаться, я вообще не понимала, что чувствую. Такие яркие эмоции стали для меня чужды с тех пор, как умер отец. После третьего курса я уже полностью сконцентрировалась на осуществлении своей мечты и забыла о том, что в жизни есть место драме. Я плелась, униженная и оскорбленная, опустошенная и раздавленная, с трудом перебирая ногами. Иногда жалость к себе сменялась гневом на Дьявола. Меня жутко бесило, что он посмел разговаривать Эбби! Ведь Эбби не было той ночью в доках, она не знает о настоящих причинах продажи магазина, и я не хотела ее впутывать в эти грязные дела.

– Сел, побереги здоровье, а? Найми себе что ли сменщика! – встретил меня Пабло.

От его звонкого, но уже не такого вредного, как когда он был мальчишкой, голоса на душе стало легче. Я ни с того ни с сего повисла у него на шее, чтобы он, как в детстве, покружил меня или потаскал на плечах.

– Ого! – удивился брат моей сентиментальности. – И в чем же ты провинилась? Опять стырила мои запасы шоколада?

– А тебе и жалко, да? – усмехнулась я. – Ни в чем. Я соскучилась.

– Приезжала бы ты на пару часов раньше, мы бы виделись каждый день. А чего бы тебе Мэттью не поднапрячь с помо-

щью в кофейне? – спросил брат, нехотя отрываясь от моих объятий.

– Упаси боже! Не хватало мне еще каждую неделю закупать новую посуду, у него же руки-крюки!

– Я все слышу! – отозвался брат из кухни.

– Мэтти, я люблю тебя и все твои таланты, но признай же свою неуклюжесть! – рассмеялась я, а Пабло подхватил.

– Вообще-то у нас в гостях Ева, давай не будем пугать ее нашими... любезностями, – прошептал он мне.

Я насупилась, приняла гордый вид и вытерла красные глаза. Пройдя в гостиную, я застала Еву и маму на диване что-то бурно обсуждавшими. Находясь с Евой в одном помещении, я всегда испытывала напряжение, будто меня чем-то придавливали. То ли так действовала ее красота, то ли умение держаться изысканно и хладнокровно.

– Привет, милая! Мы тут как раз обсуждаем предстоящее событие... – Мама заговорщицки подмигнула. – Присоединяйся!

– О, судя по вашим бокалам, открыто вино? – указала я на красную жидкость.

– Да-да, Пабло, дорогой, принеси Селине бокал! – попросила мама.

– Селина, я здесь, чтобы официально пригласить вас на свадьбу. Она состоится в середине мая. Мы с Пабло решили снять ресторан в Лондоне...

– В Лондоне?! – вспыхнула я.

У нас и на бирмингемские-то заведения финансов едва хватало, а тут столица!

– Детка, а что такого? У Пабло и Евы должен быть красивый, запоминающийся праздник!

– О, мы точно запомним его надолго... – пробормотала я, принимая бокал из рук Пабло.

Брат смерил меня взглядом, говорившим: «Придержи язык».

– Я хотела уточнить, Селина. – Ева всем видом показывала, что намерена игнорировать мои комментарии. Она уже все решила, значит, будет так, как она захочет. – Мы составляем список гостей, ты ведь придешь «плюс один»? С Коннором, кажется?

Я поперхнулась вином, разлив половину драгоценного напитка на юбку, и невнятно ответила:

– Эм... С Коннором... да, «плюс один», – а потом добавила: – Что ж, девочки, я вас оставлю!

– Ох, Селина... и дались тебе такие мучения с этой кофейней, – заботливо заметила мама.

Только искренность этой заботы помешала мне обрушиться на нее с гневной отповедью, и я молча побрела в спальню. В этом доме не хватало тишины и возможности уединиться. Даже в своей комнате я чувствовала себя так, будто стояла посреди шумной улицы. Но я изо дня в день напоминала себе о том, что владею уютнейшей кофейней и хотя бы имею крышу над головой в отличие от Дороти. Я сту-

пила на тернистый путь, и никто не гарантировал мне быстрого успеха.

Стянув вчерашние водолазку и юбку, которые впредь никогда больше не собиралась надевать, потому что отныне они вызывали отвратительные воспоминания, я упала на кровать.

– Как я устала, господи... – прошептала я в подушку.

И тут же одернула себя. Благодарность. Я, между прочим, осуществила свою мечту и обязана бороться за свое дело, пусть ради этого придется пожертвовать сном и отдыхом. Когда-нибудь настанет день, и я найму сменщика. Ведь этот день настанет?

Телефон завибрировал.

Неизвестный номер: Привет.

Я минут пять всматривалась в цифры, пытаюсь припомнить, кому они могли принадлежать.

С: Это кто?

Прошла минута, две, три...

Р: Нечисть.

Я отбросила телефон, словно у меня в руке оказалась бомба замедленного действия. Дыхание участилось, пульс отдавался болью в висках. Откуда у Дьявола мой номер?! Почему он вообще мне пишет?! Господи, да что же это такое, где моя стабильная, заурядная жизнь! Вернись, я все прощу! Надо придумать ответ. Или вообще не отвечать? Может, завтра жекупить новую сим-карту? Тут же зазвенел телефон. Нет, это

уже не Дьявол.

К: Эй?

Отлично. Половина двенадцатого, вставать ни свет ни заря, а двое мерзавцев решили нарушить мой покой! Я выключила телефон – поделом им, – повернулась к стенке и уснула лишь к двум часам, унимая дрожь.

Глава 5

На следующий день я встала без будильника в двадцать минут седьмого. Не спеша включать телефон, я всерьез задумалась о том, чтобы по пути на работу обзавестись новым номером. Только сначала напишу Эбигейл: какого черта она раздает мой номер налево и направо, ведь откуда еще Дьявол мог его заполучить? Еще оставался нерешенный вопрос с Коннором. На свежую голову мне показалось, что я поступила глупо. Очевидно, что я имела право рассердиться, заведев подозрительные сообщения, и все же та ночь... она вернула меня во времена первого курса. В начало нашей истории.

– Привет, сестренка, можно тебя на пару слов? – перехватил меня Пабло, как только я вышла из душа.

– Сердишься на меня?

Я тут же принялась строить глазки, как в десять лет, когда пыталась выпросить у брата последний кусок шоколадки или новую игрушку. Несмотря на весь мой не самый положительный настрой перед свадьбой брата, я не могла не заметить, каким счастливым он стал. Его обычно печальные карие глаза теперь сияли, некогда твердый голос становился мягче в присутствии Евы, и, главное, Ева ведь тоже помогла Пабло справиться с горем. Так что теперь под прицелом его темных, жгучих испанских глаз я покраснела от стыда за

вчерашние колкости.

– Пабби, прости меня. Я не хотела ехидничать, просто... ты ведь и сам понимаешь, какие у нас трудности? Лондон...

– Сел, помолчи. Вот, возьми пирог. – Пабло положил кусок малинового пирога на блюдце и придвинул ко мне. – Будешь чай?

– Угу.

– Я не сержусь на тебя и понимаю, что ты беспокоишься о семье. Я тоже о ней беспокоюсь. Разве ты не видишь, что и я пашу как проклятый? Знаю, тебе кажется, что я где-то прохлаждаюсь, раз приношу домой копейки, но... обещаю, что не скажешь маме?

– Боже, ты просишь совсем как в тот раз, когда разбил ее драгоценную шкатулку... а ведь выхватила ее я, и никто меня не выгородил! – припомнила я, усмехаясь.

Пабло расплылся в улыбке, от которой на щеках появились ямочки.

– Зато потом я оплатил тебе, отдав свой компьютер, а это, извините, жертва всех жертв для четырнадцатилетнего мальчишки! Ладно, ближе к делу. Ты ведь обещаешь?

– Смеешь спрашивать? Разве я, как Мэттью, люблю потрепать языком?

– Так вот, Сели, последние четыре года я... копил. Копил на дом. Конечно, не обошлось без помощи дяди Майкла, но его вложение – суший пустяк. Дом, конечно, тоже не сказка, но хотя бы свой. Совесть не позволила бы мне жить с роди-

телями Евы, а сюда ей не перебраться – не спать же нам в одной комнате с Мэттью? Или, того хуже, пришлось бы переселить тебя к нему и...

Пабло все говорил и говорил, а я ни куска проглотить не смогла, ни слова вымолвить. Мой брат купил дом. Свой дом.

– Пабло! – Я бросилась ему на шею и расцеловала смуглые щеки. – Бесстыжий врунишка! Мне бы поругать тебя за твои секреты, но я слишком горда!

Пабло, довольный, принимал мои поздравления.

– Но почему же ты не скажешь маме? Она так вообще до потолка подпрыгнет.

– Ты думаешь? А у меня предчувствие, что она обидится. Ведь вместо того чтобы полноценно помогать вам, я...

– Перестань! Тебе двадцать шесть, у тебя давным-давно своя жизнь, и что же, до сорока надо было ждать, когда Божественное провидение пошлет тебе собственное жилище? Ты трудился и копил, не забывая давать матери и нам хоть какие-то средства. Теперь ты можешь с гордо поднятой головой привести свою невесту в собственный дом. Пабло, это же такое счастье! Ох, как я мечтаю о своем доме...

– Ну ладно тебе, Сели, ты и дома-то не бываешь! – усмехнулся Пабло.

– А Ева знает? – спросила я. Мне было очень интересно своими глазами увидеть реакцию невесты брата: гордилась ли она им?

– Да, я... устроил ей сюрприз. – Лицо у Пабло преобрази-

лось, и он стал похож на того Пабло, который с энтузиазмом зачитывал папе свои первые стихотворения. Жаль, что начинающему поэту пришлось идти на завод. – Пригласил на свидание. Она была уверена, что мы едем в театр, но нет... Когда мы проехали мимо театра, она стала возмущаться, мол, зачем я завез ее в район частных домов. Тогда я подъехал к дому. Ну ты ведь помнишь Борнвилл?

Я кивнула, едва не всхлипнув. До Борнвилла от нашего района далековато. Мы были там всей семьей всего несколько раз, но я запомнила чувство абсолютного комфорта и восхищения похожими друг на друга симпатичными домиками.

– Ну вот. Я вышел из машины, открыл ей дверь, протянул руку в сторону нашей новой обители и сказал: «Теперь он наш, Ева!»

– А она? Что она?

Я во всех красках представила себе этот романтический жест.

– Плакала так, будто мы не новоселье отмечали, а провожали усопшего. Не отходила от меня ни на минуту, – гордо заявил Пабло.

Тут в дверях показалась мама, и мы смолкли.

– Что у тебя с глазами, Селина? – выпалила она первым делом.

– Не выспалась, – пожала плечами я.

– Исхудала ты тоже из-за недосыпа? – ласково улыбнулась мама, присаживаясь за стол. – О чем болтаете?

– Да так, все о свадьбе! – бросила я. – Мне пора сушить голову и собираться на работу, всем хорошего дня!

* * *

Закончив с волосами и макияжем, я вылетела в прихожую. В светлых джинсах-тубах и белом джемпере, быстрыми движениями натягивала белые кроссовки на высокой платформе, когда подошел Пабло и шепнул на ухо:

– Маму ты, может, и обдуришь, но не меня. Я-то знаю, что глаза и нос у тебя краснеют только после истерик. Ну? Случаем, не Коннор им причина?

– Пабби... – умоляюще посмотрела я на брата.

Коннор – не та тема, которую я хотела бы обсуждать перед тяжелым рабочим днем. Перед бесконечной чередой рабочих дней.

– Сел, скажи только слово, и я разберусь с этим кретином, хорошо?

Я чуть не рассмеялась от умиления. В такие моменты я думала о том, какое счастье иметь старшего брата.

– Спасибо, дорогой, но все в порядке. Я правда очень устала. Но сейчас, кажется, «Лавандовая ветвь» постепенно обретает популярность. – Я вкратце поведала брату о своей оригинальной задумке с веточками.

– Ты всегда внимательно слушала бабулю Корнелию, а я вот, кроме истории о восставших из могил в День мертвых

родственников, совсем ничего не помню. Я очень рад, сестренка, что в твоём деле появился просвет, и желаю удачи.

Чмокнув брата в шершавую от щетины щеку, я поскакала к остановке. Сегодня до работы меня будут сопровождать The Neighborhood и моя любимая песня «Sweater Weather». Вновь позабыв о нормах этикета, я громким шепотом растягивала припев в самом дальнем углу автобуса, наблюдая за спешащими автомобилями. Эта песня всегда щемила душу. Может, потому, что мне хотелось, чтобы кто-то предложил согреть мои руки в рукавах свитера, или потому, что иногда во мне проскальзывали надежды на... романтику? В конце концов, иногда меня действительно задевало то, что Коннор совершенно позабыл об ухаживаниях, заботе и внимании. Но ведь и я погрязла в делах. Не знаю.

За последние четыре года я превратилась в ржаной сухарь. Да и мой парень не уступал мне в черствости. То есть я вроде бы очень даже добра и сострадательна, но бываю скупа на эмоции. После смерти отца я отключилась от мира и каждый день по камешку выстраивала стену вокруг своей души. Единственным жителем моего каменного царства стала заветная цель. Только ее я впустила и только ради цели продолжала жить. Цель заключалась не только в приобретении кофейни, но и в ее процветании, развитии, расширении. И сейчас, слушая лирические тексты, глядя, как кипит жизнь за окнами автобуса, я размышляла о том, правильное ли приняла решение, отгородившись от мира и работая, не видя

света.

«А что тебе остается, Селина? У Пабло теперь своя семья, и за старшую остаешься ты», – подсказал мне разум. Верно. Я не могла предать близких, не имела права опускать руки и бросать все в тот момент, когда в кафе наконец повалили клиенты. Только не сейчас. Если выручка к концу апреля продолжит расти, я позволю себе нанять сотрудника да хоть и на два дня в неделю.

Но что насчет моей эмоциональной черствости? Взять хотя бы ту страшную ночь, когда я встретила Дьявола. Да, мне было до смерти страшно, я бежала быстрее любого марафонца, но страх быстро отошел на второй план, ведь я не могла позволить себе отвлекаться и отдыхать, мне ежедневно следовало быть в кафе со свежей головой. Страх мог поколебать мой дух, и тогда я бы не выстояла. Нет уж, Селина Гарсия не будет бояться никаких Эльбергов и Дьяволов. Я всего лишь пешка в их игре, и им не нужно тратить на меня время и ресурсы. Наверное.

Открывая свое детище по приезде в доки, я вспомнила, что совершенно забыла включить телефон и забежать за новой сим-картой.

– Была не была... – вздохнула я и включила телефон, удерживая кнопку блокировки.

Отложив смартфон, я принялась подключать кассовый и кофейный аппараты, подготовила десерты и побежала готовить суп. Сегодня вторник, значит, посетителей ждет нава-

ристый борщ, рецепт которого моя бабушка когда-то выпытала у своей подружки-украинки. Борщ был редким явлением в Англии, по крайней мере в Бирмингеме, и его любили ничуть не меньше острого испанского супа.

Как я жалела, что у Эбби сегодня занятия. Раньше в утренние часы кафе пустовало, и я могла растягивать удовольствие от готовки, напевая песни и пританцовывая на кухне, сегодня же я отбегала от плиты не меньше семи раз, чтобы обслужить клиентов. Некоторых из них я видела уже в третий, а то и в четвертый раз.

– Знаете, ваш латте... у него идеальные пропорции. Раскроете секрет? – перегнулся через стойку нахальный парень лет двадцати пяти, зазывно подергивая бровью.

Конечно, я любезно его отослала, всучив бумажный пакет с эклером. К двум часам дня я зарядилась инициативой и амбициями от притока новых посетителей. Живот предательски заурчал от голода, и я метнулась за тарелкой супа, благо, клиентов на горизонте не было и от тарелки вкуснейшего борща меня отвлекала лишь вибрация телефона. Не переставая есть, я одним пальцем пролиставала все уведомления.

Эбигейл прислала около десяти сообщений, шесть из которых были разгневанными смайликами. Она переживала о моем состоянии и грозилась устроить взбучку, если я ей не отвечу «сейчас же!». Были и сообщения от Коннора.

К: Селина, что происходит? Сбежала, ничего не сказав, еще и на сообщения не отвечаешь!

К: Я тебя обидел?

К: Сегодня вечером заберу тебя с работы.

– О-о-о, нет, – вздохнула я, промахнувшись ложкой и заляпав супом столешницу.

Ведь через восемь часов я буду с ног валиться! Наконец я пролистала до последнего сообщения:

Р: Как некрасиво игнорировать. Не говоря уж о вашей невежливости в кофейне.

– Подонок! – буркнула я с набитым ртом.

– О моя добрая душа... Я что-то не так сделал?

Я резко отбросила ложку, расправила фартук и вытерла грязные губы. Мои глаза чуть не выпали из глазниц, когда встретились с глазами мистера Берча.

– Мистер Берч! Как я рада вас видеть! – Позабыв обо всех приличиях, я обняла старика. При виде его потертого берета и густых бровей стало теплее, я воспринимала его почти как члена семьи.

– А я-то вас как, душенька... Супчика бы...

– Конечно! Вы, верно, помните, что по вторникам борщ?

– Да уж, не забыть...

Старика тяжело было временами понять, но, кажется, я уже свыклась с его обрывистыми репликами. Налив ему щедрую порцию первого, я положила на десерт его любимый фисташковый эклер и сварила эспрессо. Следовало воспользоваться моментом и расспросить Берча о той злополучной ночи, но только так, чтобы он не догадался о том, что я была

неподалеку.

– Вы пообедаете здесь? – спросила я.

– Да я затем и пришел!

– Присаживайтесь, мистер Берч!

Я помогла ему расположиться за столиком, который обычно занимала Дороти. Кстати о Дороти, уже почти три часа, а она еще не заходила. А ведь по ней часы сверять можно!

– Эх, милая моя Селина...

Старик взял в руку ложку, и от моего внимания не ускользнуло, как та дрожала. Глаза мистера Берча блестели от скопившихся слез, и, если старик сейчас расплчется, моих слез тоже не миновать.

– Нет больше моей лавки, Селина. Отобрали мою душу! – Он потянулся за перепачканным носовым платком.

– Как же так, мистер Берч? Я просто оторопела, когда узнала, что вы продали свой магазин! Что вы, не плачьте, мистер Берч, не то я тоже заплачу!

– Продал?! Да ни за какие деньги я бы его не отдал! – возмутился старик. – Отобрали его у меня.

– Отобрали?! Но кто? – Я старалась изобразить удивление.

– Эти... – Он сплюнул с досады. – Бандиты, будь они прокляты! Они давно ко мне подбивались, еще зимой предлагали выкупить лавку. Я их и послал. Они тогда предупредили, что... пожалею.

– Да зачем же им именно ваш магазинчик, мистер Берч?!

– А поди разбери этих... – Старик приступил к обеду, так что я выжидала, пока он прикончит борщ. – Я вот зачем к тебе пришел, Селина. Может ведь и до тебя дойти! До твоего кафе.

– Моего кафе? Бросьте, более невыгодного расположения не найти...

– Есть у меня одна мысль, не старый же я дурак! Хотя старый, но все же не дурак. Эта антикварная лавка – шелуха. Иллюзия. Они неспроста выбрали ближайшее к Бирмингемскому каналу место, помяни мое слово...

От такого предположения по коже поползли мурашки, я взяла себя в руки и участливо поинтересовалась:

– А как же вы теперь? Чем занимаетесь?

– Я, моя дорогая, вышел на пенсию, – грустно ответил Берч. – Ну ничего... Все равно пенсия больше прибыли приносит. Только ведь... душу же забрали, Селина!

– Мистер Берч, неужели они вам угрожали?

Мистер Берч вдруг сел прямо и посмотрел на меня холодным, самоотверженным взглядом.

– Еще как, моя милая. Их было двое, этих... мерзавцев, прошу прощения. Один даже выстрелил, так пуля пролетела в сантиметре от моего виска! Тогда-то я и сдался. Подумал: если ж со мной сейчас покончат, кто же будет беречь могилку моей женушки?..

– Какой ужас, мистер Берч! Мне так жаль, что вам пришлось это пережить, да еще и магазин отдать! Вы заходите

ко мне, обязательно, я всегда угощу. Но... неужели вы не обращались в полицию?

– Полиция? – Старик хрипло усмехнулся. – Да, они обращались ко мне с вопросом о том, что им поступил вызов... из-за выстрела. Пришлось солгать: мол, собирал манатки перед продажей, вот и разбил пару стекляшек... Не хочется мне больше иметь дел с этими подонками. А по поводу твоего предложения... Селина, думаешь, я такой старый, что уже и не замечаю ничего вокруг? Я ведь знал, как туго тебе приходится. Как ты держалась, пахала круглыми сутками одна! Конечно, этот маленький рыжий демон тоже здесь крутится, но вся тяжесть лежала и лежит на твоих плечах. Я теперь хорошо получаю, на одного так... выше крыши. Так что и не думай меня, как эту непутевую Дороти, подкармливать. Я буду платить и помогать тебе, дорогая.

Теперь и я не сдержала слез. Я и не знала, что мистер Берч понимал все, что со мной творилось, и как сложно мне держать лавку на плаву. Он часто ругал меня за переработки, но и словом не намекал на глубину своих переживаний обо мне. Да что мне его деньги, даже эти слова поддержки уже грели душу!

Мистер Берч оставил мне чаевые. Он попытался сделать это незаметно, да только уронил банку, наделав много шума. Это были крупные чаевые для того, кто позволял себе десерт раз в неделю. Мне не удалось избежать очередной истории о его покойной жене, но сегодня после нашего разговора я

внимательно слушала старика. Мистер Берч ушел, оставив меня с еще большим бардаком в голове. Телефон завибрировал, и я удивилась, что прошло столько времени – была уже половина четвертого.

Р: Мисс Лаванда, неужели вы меня боитесь?

Вот же Дьявол! Самодовольный мерзавец!

С: Слишком много о себе думаете. Какого черта вы мне пишете и откуда у вас мой номер?

Пришли клиенты, я спрятала телефон под клетчатым полотенцем и широко улыбнулась, приветствуя их.

– Добрый день! Говорят, вы раздаете талисманы? – спросила девушка лет двадцати. На ней была черная косуха, широкие джинсы и очки в круглой оправе. Она пришла в компании женщины постарше, та, словно ощущая дискомфорт, все время оглядывалась.

– Верно. Веточку лаванды мы вручаем в подарок к кофе.

– Что бы вы посоветовали? – Девушка кивнула на меню за моей спиной.

– Если любите крепкий кофе – то эспрессо, американо или капучино, если полегче – латте или раф. Любой напиток можно сделать холодным, добавить сироп на выбор, – я протянула список имевшихся сиропов, – или взбитые сливки.

– Мам? – обратилась девушка к женщине.

– Раф с кокосовым сиропом, – ответила та.

– Можно, пожалуйста, раф с кокосовым сиропом и латте с имбирным пряником, – заказала девушка.

– Конечно!

Вручив им по стакану кофе, я достала пару лавандовых веточек.

– Вот, возьмите, пожалуйста, наш талисман.

Мать девушки нерешительно приняла веточку, посмотрела на нее и улыбнулась, взглянув на меня.

– Спасибо вам большое.

– Будем надеяться, ветвь сработает, – громко заявила девушка; ее мать тут же покраснела и шлепнула дочь по плечу. – А что? Дай я сделаю фото для блога.

Дочь быстро подобрала ракурс, несколько раз щелкнула камерой, схватила мать за руку и вышла с ней из кафе. Я еще долго смотрела им вслед, пытаясь переварить произошедшее, но снова ощутила вибрацию.

Р: Вы имели неосторожность указать свой контакт на визитке. Я действовал наугад. Кто, кроме вас, мог узнать во мне Нечисть?

С: Как интеллигентно вы поддерживаете беседу. Удивительно. Так вот, угомонитесь, уже сегодня я сменю номер.

Р: И ваше кафе переедет по другому адресу?

– Ух, я б его! – вслух выругалась я.

С: Идите к черту!

Р: Не забывайте о том вечере, Селина, и постарайтесь быть вежливее.

– Это угроза?! – разговаривала я сама с собой. Он вздумал мне угрожать?! Быть может, мистер Берч был прав? Зачем

неуловимой банде нужна антикварная лавка? И устроенный ими аукцион точно был способом отвлечь внимание жителей и привлечь инвесторов. Старик Берч говорил что-то о канале. Эльбергу была необходима площадь близ канала. Но для чего? Может, не стоит морочить себе голову, раз это не касается моего кафе?

– А если коснется, Селина? – снова спросила я вслух.

Если же Эльберг позарится на мое детище, я готова встать против целой банды! Они не получают мое кафе! Только вот есть одна серьезная проблема – помещение мне не принадлежит. Если Эльбергу приспичит заполучить мое место, им ничего не стоит переговорить с арендодателем и предложить удвоенную сумму платежа. С этой проблемой я и буду разбираться. Следовало подстраховаться, подумать о том, как защитить свои права на кафе, не имея ни гроша за душой. Самый верный способ – выкупить помещение. Что ж, можно обратиться к дяде Майклу и узнать у него, как лучше действовать. А может, дядя и вовсе решит лично мне помочь.

– Еще работаете? – слышался тоненький женский голосок.

Дама сворачивала промокший зонт. За своими размышлениями я и не заметила, как начался дождь. Крупные капли покрыли высокие окна кафе.

– Добрый вечер! Конечно. Что будете заказывать?

– Капучино стандартное. Сиропы имеются?

Дамочке этой было не меньше тридцати, но глаза у нее были такими нежными и юными, что выглядела она едва ли на двадцать пять.

Я перечислила все сиропы.

– Ирландский крем, – выбрала она.

– Десерты? Может, попробуете суп дня? Сегодня у нас борщ, – улыбнулась я шире.

– Да нет, спасибо большое, я так, выпить горяченького, на улице так промозгло.

Может быть, хорошо, что Коннор решил заехать? Хотя бы не промокну. Ведь если я простужусь, кофейне крышка! Я вручила даме веточку лаванды вместе с кофе, объяснив суть талисмана.

– Как оригинально! А я как раз задумалась, почему кофейня так называется? – улыбнулась в ответ женщина. – Я вот слышала, что на атмосферу в доме хорошо действуют фиалки, китайские розы – это для отношений, страсти. Молодоженам мне как-то посоветовали дарить мирт – для укрепления союза.

– Ого! Да, про фиалки я слышала, а вот про мирт – впервые. У меня как раз старший брат вот-вот женится. – Мы с женщиной одновременно хихикнули. – Мне о лавандовых ветвях рассказала бабушка. Она любила именно сухоцветы.

– Что ж, возлагаю на ваш талисман большие надежды! Спасибо!

Расправив зонт, она побежала, перепрыгивая лужи. Да,

название оригинальное, но, кажется, ветки лаванды бесполезны. Как я, отъявленный скептик, могла когда-то поверить в чудодейственность ветви? Вряд ли лавандовая веточка могла привлечь любовь, зато корзина с цветами напоминала мне о бабушке. У каждой семьи наверняка есть свои передающиеся из поколения в поколение поверья, приметы.

Вибрация.

К: Стою сразу за двориком, у склада.

С: Может, зайдешь, выпьешь кофе? Мне еще двадцать минут тут торчать.

К: Ок.

Через пару минут я заметила стремительную крупную фигуру в капюшоне. Коннор вошел, завертев головой, точно пес, стряхивающий мух. Капли разлетелись по недавно вымытому полу.

– Можно ваш фирменный латте? – Он изобразил улыбку.

Только сейчас я заметила круги у него под глазами и то, как ссутулилась спина. Интересно, это контора его добила или тайные отношения с Ким?

– Сироп?

– Фисташковый.

Я принялась готовить. Как только Коннор получил свой стаканчик, я отключила аппараты, закрыла кассу, пересчитала выручку и, как всегда, отложила себе в кошелек деньги. За эту неделю мы с Эбби получили крупную зарплату.

– Лавандовая ветвь – талисман? – рассматривал табличку

Коннор. – И что же ты его не используешь? Хватает меня?

Он ухмыльнулся, а я подумала о том, что ему одной меня недостаточно. Что наши отношения ему приелись и он приехал сюда из чувства долга. А затем в памяти возник образ крупных мужественных пальцев, придвигающих ко мне потерянную ветвь, и я тут же вздрогнула.

– Замерзла?

– Д-да. Слушай, нам надо поговорить, только давай в машине, ладно? Я пока тут приберусь.

Коннор напрягся; что-то подсказывало, что он уже догадывался о теме предстоящего разговора. Он застегнул серую ветровку и в ожидании сел на стул. Как только я закончила с уборкой, мы двинулись к машине. Пришлось намотать на голову шарф, и когда я оглянулась на доки, то готова была поклясться: там, возле кирпичного домика, глаза Дьявола следили за мной.

Глава 6

– Значит, тебе интересно, почему я сбежала тем утром? – завела я разговор, как только машина выехала на оживленную дорогу.

– Ну...

– Не прикидывайся, Коннор. Ты знаешь, что я видела те сообщения, – отрезала я.

– Ты все не так поняла, Сел...

– Серьезно? Не придуривайся. Твое поведение, наши холодные и редкие встречи, все свелось к одному. Не понимаю я только того, зачем ты мне написывал и почему решил встретиться?

– Селина, я... – начал Коннор довольно грубо, но голос его дрогнул. – Я сглупил, детка.

– Отличное оправдание.

– Между нами ничего не было, клянусь! Ким работает в конторе отца, и мы часто вечерами засиживаемся за документацией.

– В жизни не поверю, чтобы девушка «сучала» по такому увлекательному занятию.

– Сел, мы с тобой... мы ведь как родные, и то... какими были последние два года, это...

Слушай, переезжай ко мне, а? Будем видеться каждый день!

Я опешила. Взглянула на Коннора и попыталась заметить хотя бы намек на шутку или иронию, но нет, он был серьезен.

– К тебе? Ты же знаешь, твои родители меня терпеть не могут, да и я не могу оставить маму...

– Господи, Селина, вот в этом вся проблема! Родители мои к тебе хорошо относятся, просто они не такие ласковые, как твоя мать. Ты так и просидишь старой девой в этой...

– Давай скажи, Коннор: «поганой многоквартирке», «гнилой дыре» или...

– Хватит, – огрызнулся он. – Либо мы съезжаем, либо расходимся. Мне надоели эти двухчасовые встречи.

– Зато Ким тебе не надоела...

Коннор оторвал руку от коробки передач и больно схватил меня за запястье.

– Коннор!

– Ни слова больше о Ким, ясно?

– Вот еще! Ты забываешься, дорогой. – Коннор сильнее сжал запястье, и я пискнула. – Отпусти!

Выпустив мою руку, он нахмурился, поворачивая к моему «нищему» кварталу.

– Дай мне время, ладно? У Пабло будет свадьба в середине мая, я постараюсь решить до праздника.

– Не тяни с ответом, Сел.

Меня так и тянуло бросить в ответ: «А то что, убежишь к своей Кимберли?» Но я вовремя прикусила язык, поблагодарила Коннора и вышла из машины. Дождь хлестал по во-

лосам, и я ускорила шаг. Что ж... может, Коннор говорил правду. Может, это Ким проявляла к нему симпатию, оттого и писала с таким подтекстом. Пока у меня не было доказательств его измены, я не могла отвесить ему затрещину, но согласиться жить под одной крышей тоже была не готова. Мы до сих пор не поговорили о том, что нас беспокоит в отношениях, не попытались наверстать упущенное или подстроиться под график друг друга. С трудом верилось, что наша канувшая в Лету страсть вдруг возродится, стоит мне переступить порог его дома с чемоданами в руках.

К тому же за эти два дня я смирилась с возможным расставанием, причем преспокойно. Перспектива жить у Коннора была как положительной, так и отрицательной. С одной стороны, я наконец могла жить в роскошном доме и в отсутствие родителей Коннора, которые частенько отдыхали или летали в командировки, почувствовать свободу. С другой – родители все же большую часть времени будут жить с нами, да и история с Ким не улажена. К черту, я слишком устала, чтобы об этом размышлять, у меня есть целых три, а то и четыре недели на принятие решения.

На первом месте сейчас стоял вопрос с арендой. Завтра же позвоню арендодателю, спрошу о сумме выкупа и если она окажется не такой астрономической, какой я ее себе представляю, то возьму в долг у дяди Майкла и буду отдавать в течение... вероятно, всей жизни.

Домой мне повезло прийти, когда все уже улеглись в по-

стели. Я и сама тут же плюхнулась на мягкий матрас, спина ответила благодарным покалыванием. Бедро пронзила вибрация.

Р: Зачем же вы носили талисман, раз у вас уже есть угловатый качок?

Да чтоб его!

С: Завтра же сменю номер, а вы мерзавец... Еще одна слежка, и я напишу на вас заявление!

Р: Селина, мне нравится ваш буйный нрав, только вот не стоит пренебрегать моими советами. Будьте любезнее.

С: И что вы предлагаете? Обсуждать с вами погоду?

Р: Со мной вы можете обсудить все, что угодно. А погода, кстати, сегодня отвратительная.

С: Не совсем понимаю, что вам от меня нужно.

Р: Многое...

Я выключила телефон. Что у него за манеры такие? Будто он начитался классических романов или нарочито вежлив. Чего он вообще добивается своими сообщениями? Чтобы я не переставала о нем думать? С этим он успешно справился.

* * *

Я сдержала обещание и сменила номер следующим утром, перед работой. Среда тянулась бесконечно долго, но грех жаловаться, когда появился настоящий поток посетителей. После того как Бирмингем затопило суточным ливнем, пришла

жара, а с ней надвигался мой день рождения – отличный повод для встречи с дядюшкой Майклом. На четверг я договорилась с Эбигейл о выходном и поехала к другу семьи. Дядя Майкл, его жена Эстер и дочь Милли жили в пригороде. Их дом больше напоминал замок или старинное поместье Викторианской эпохи. Он был построен из камня цвета могильной плиты, на всех окнах имелись решетки с острыми наконечниками, а при въезде на территорию стоял античный фонтан.

Дом обрамляла высокая живая изгородь из кустарника, подстриженного идеально ровными прямоугольниками. Здесь мы жили первые месяцы после переезда из Валенсии – то были, кажется, счастливейшие дни в моей жизни. Не только из-за окружавшей роскоши, но и благодаря тому семейному теплу, которое всегда появлялось при встрече старых друзей. А еще в компании Милли мне было намного легче переносить пакости братьев.

Мои родители познакомились в Испании, куда мама со своей подругой Эстер приезжала в отпуск к морю. Дом моей бабули Корнелии располагался на побережье. Отец и дядя Майкл дружили со школы, как и мама с Эстер. Как-то теплым летним вечером девушки прогуливались по рынку, выбирая сочные фрукты. Они не знали испанского, так что обдурить их в цене было проще простого, да и не только в цене. Отец и Майкл как раз возвращались с работы, когда заметили, как их земляки потешаются над глупыми туристками.

Они и сами не прочь были посмеяться, только вот их очаровали прелестные утонченные личики коренных британок.

Мы никогда не называли Санчесов друзьями, говоря исключительно «наши родные», «семья», «брат». Потому и я привыкла называть Майкла дядей, а Эстер – тетей.

– Селина, дорогая! Наконец-то ты почтила нас своим прибытием! – встретил меня Майкл.

Дядя Майкл был так похож на отца, что многие и правда считали их родственниками. Те же выющиеся черные волосы, те же добрые карие глаза. Густые брови и борода, мощное телосложение и низкий рост, широкий нос и пухлые губы. Одним словом, они были чуть ли не близнецами. Такая схожесть ранила меня, я всегда отмечала у него жесты или мимику отца.

– Дядя Майкл! Прости, ты же знаешь, я не вылезая из кофейни! – улыбалась я, пока дядя тащил меня в столовую.

Мы прошли первый этаж – холл с большим старым фортепьяно. Милли часто играла на нем после семейных обедов. А еще в холле висела громадная хрустальная люстра, в детстве я жутко переживала, что она свалится и раздавит меня насмерть.

– Эстер, вот и Сели!

Эстер же была полной противоположностью моей матери. Ее кожа не была фарфоровой, напротив, Эстер регулярно посещала солярий и была почти такой же смуглой, как я. Ее глаза цвета мха напоминали кошачьи, взгляд дерзкий,

словно с презрением. Если мама была худой как тростинка, то Эстер полной в самых подходящих местах, но не толстой. Она всегда одевалась вычурно, но стиль ее отлично сочетался с атмосферой дома. Вот и сейчас она встречала меня в элегантном платье, расшитом мелкими камнями, переливавшимися на свету.

– Солнышко мое, здравствуй! Как Элейн? Пабло, Мэттью? Мы с твоей мамой созванивались пару недель назад, она говорила о свадьбе, кажется...

– Да-да...

– О, Эстер, ради бога, сначала посади Селину за стол!

Дядя Майкл придвинул мне стул.

– Пабло женится в середине мая, – сообщила я, накладывая себе салаты и горячее из говядины.

– Когда же мы получим свои приглашения? – удивилась Эстер.

– Они только определились с датой, думаю, через неделю приглашения уже разошлют, – ответила я. – Как у вас дела? Где Милли?

– О, Милли готовится к поступлению, торчит в лондонской библиотеке целыми днями. Надеюсь, это правда и она не сбегает туда на свидания или вечеринки, – сказала Эстер, крутя бокал вина в руке. – Можешь поверить, она отказалась от Оксфорда! Решила поступать в Йель.

– Университеты Лиги плюща очень престижны!

На месте Милли я бы ни за что не отказалась от Оксфорда,

но и в Америке всегда мечтала побывать.

– Эстер, милая, это ведь ее будущее, а не наше, – вмешался Майкл.

– Конечно, но... это же Оксфорд! – Эстер осушила бокал. – Как твои дела, дорогая, как кафе?

Я рассказала им обо всем: как прошли эти полгода, как постепенно поднималась выручка, драматично поведала историю мистера Берча, тонко намекнула на возможный выкуп моего помещения. Мне было жутко стыдно о таком говорить, но ради своей кофейни... я на многое готова.

– Ты уже связывалась с владельцем? Он говорил, сколько стоит выкупить помещение? – деловито осведомился дядя.

– Да... – Я покраснела и залпом допила вино. – Двести сорок тысяч фунтов стерлингов.

– Что ж, деньги немалые, – вздохнул Майкл. – Может, предложить ему двести тысяч как первый взнос, а оставшиеся сорок заплатить в течение трех месяцев?

– Дядя, ты же знаешь, двести тысяч для меня... – Я заулыбалась от таких сказочных цифр.

– Кто сказал, что для тебя? – встряла Эстер. – Селина, мы обещали твоему отцу, что будем любить тебя и поддерживать, как родную дочь, как Милли.

– Девочка моя, я знаю, как туго вам приходится после смерти Хавьера и как вы все работаете не покладая рук. Я буду только рад помочь тебе. Только не обещаю, что все случится в ближайшее время, может, потребуется один-два ме-

сяца.

– Ох, дядя Майкл, Эстер! – Я чуть не разрыдалась во все горло.

Я просидела с ними до вечера, после чего мы прогулялись по территории поместья, и дядя Майкл отправил меня домой со своим личным водителем. Я оставила ему номер владельца помещения, чтобы он договорился с ним, так сказать, по-мужски о том, в какие сроки и на какой счет ему переводить средства. Всю дорогу до дома я не переставала улыбаться. Надо будет завтра же выставить объявление о вакансии! Теперь-то я могла себе позволить еще одного сотрудника. Даже если у дяди Майкла не все заладится, я смогу потянуть еще одну ставку в течение двух-трех месяцев.

* * *

Дома я переделалась в пижамные штаны и широкую лиловую футболку. Мама не могла не заметить моей лучезарной улыбки и, конечно, принялась расспрашивать. Я немного приукрасила рассказ, сказав, что дядя Майкл сам предложил мне выкупить кафе. Хотя вообще-то он так и сделал. Я только тонко намекнула.

– Селина, как чудесно! Мне и самой трудно поверить, что у тебя будут выходные! – смеялась мама. – И Пабло меня сегодня обрадовал. Ты знаешь, что он купил дом?

– Да, если честно, он мне уже сказал, но переживал, как

ты отреагируешь...

– Это я-то как отреагирую? А как мать может отреагировать на счастье своего ребенка?! – Мама вздернула свой аккуратный носик. – Ну, знаешь ли, Селина Гарсия, надеюсь, ты не дала ему повода утвердиться в нелепых подозрениях...

– Что ты, мама, я сразу сказала, что ты будешь только рада!

Поболтав с мамой, я зашла к Мэттью, предварительно постучав. Брат валялся на кровати, скрестив ноги, и смотрел в телефон.

– Мэтт, можно одолжить ноутбук на часик?

– Угу, вон там.

Мэттью показал пальцем на рабочий стол. Я схватила ноут и собиралась было уйти, как вдруг заметила лавандовую ветвь поверх стопки книг.

– Мэтт, откуда у тебя веточка? – Я взяла ее в руки и покрутила перед братом.

– А! Эбигейл обронила ее, когда мы прощались. Я заметил, что она была приколотая на булавку, но сама булавка, видимо, осталась при ней. Может, вернешь ей завтра? Брошка, случайно, не связана с кафе?

– Да-да, Мэтти, именно так...

Я задумчиво посмотрела на брата, погружившись в свои мысли.

– Что-то еще, Сел? – прищурился Мэтт.

– Ой, нет. Все, верну через час! – потрясла я ноутбуком

и убежала в свою комнату.

Объявление я вывесила через полчаса, а еще через час получила первый звонок и договорилась о собеседовании на завтра. Я все теребила в руках веточку, потерянную Эбигейл. Совпадение ли?

Глава 7

В свой день рождения, в воскресенье, я работала. Эбигейл обещала сменить меня к семи вечера, точнее, настояла, хотя я пыталась объяснить, что никаких планов не имею. Я уже наняла сменщика, Оскара, только график не совпал – вчера он уже отработал второй день. Оскар мне сразу понравился, по одному взгляду на него можно понять: ответственный, скромный и тихий парень. У него уже был опыт работы бариста, так что я без сомнений предложила ему выйти на смену в день собеседования. Мы плодотворно потрудились, Оскар схватывал на лету и оценил нашу идею с лавандовой ветвью. Даже пообещал вести в свои смены социальные сети кофейни.

Кстати о социальных сетях. Прошлой ночью я просматривала отметки на фотографиях нашего аккаунта и наткнулась на тех самых мать и дочь, недавно посетивших кафе. На фото женщина шла за руку с мужчиной, дочь выложила пост с текстом: «Если вы еще сомневаетесь в том, работает ли талисман кофейни “Лавандовая ветвь”, просто посмотрите на мою счастливую мать».

Репостнув запись, я ответила десятком смайликов и поздравлениями, сидя с улыбкой до ушей. Действительно ли веточка сделала свое дело? Неважно, было приятно стать частью чьей-то счастливой истории.

Сегодня же я не успевала отвечать на поздравительные сообщения родственников, пытаясь пообедать, пока не было народа. Коннор поздравил меня непривычно ласково и многословно, но сообщил, что с того дня, как попал под ливень, слег с температурой и все еще валяется с кашлем и насморком. Бедняга, у него ведь тоже стоят дела в конторе. Пожелав скорейшего выздоровления и поблагодарив, я спрятала телефон под карточку меню, когда раздался звон колокольчиков.

– Добро пожаловать в «Лавандовую ветвь»! – воскликнула я в чудесном настроении.

Женщина в новомодной шляпке улыбнулась мне губами, обильно накрашенными темно-коричневой помадой, которая делала ярче голубые глаза. Ее бордовые волосы были коротко острижены и завиты крупными локонами. Легкая ткань длинного изумрудного платья струилась почти до пола.

– Привет, Селина, – улыбнулась она.

– Простите, мы... – Тут я вгляделась в лицо посетительницы. – Матерь Божия! Дороти?!

Дороти громко захохотала, и пусть она выглядела сногсшибательно, голос у нее все так же походил на двигатель грузового авто.

– Да, милая, это я. Пришла тебя отблагодарить.

– Меня? За что? – отупела я, не сводя с нее глаз. – Дороти, да неужели... неужели ты нашла жилье?

– Я нашла того, у кого оно есть. Еще в тот день, на аук-

ционе.

– Пресвятая Дева Мария...

Выйдя из-за стойки, я взглянула на белый металлический столик и стулья – тот самый уголок, который всегда занимала Дороти.

– Я так рада за тебя! Ох, господи, у меня все вылетело из головы при виде твоего шикарного облика! Я ведь начала переживать, что ты так долго не заходила.

Дороти вновь «завела мотор»:

– Угостишь меня латте? Мне с лавандовым сиропом.

– Конечно, а суп? Сегодня острый, испанский!

– Нет-нет, спасибо. Я *сыта*.

Я рассмеялась от радости. Впервые я переделывала кофе не меньше трех раз, так у меня перепутались мысли. А когда Дороти протянула мне банкноту, я и вовсе одурела.

– Я как-то... не могу принять теперь, – усмехнулась я.

– Бери что дают! – проворчала она.

Мы сели за столик.

– Вот, милая, это тебе.

Дороти вытащила из пакета коробку, завернутую в яркую сиреневую упаковку, расписанную лавандой.

– Символично, – улыбнулась я. – У меня как раз день рождения!

– Ах! Надо же... ну тогда считай это и подарком, и благодарностью! Всего тебе наилучшего, моя добрая душа!

Я припрятала коробку в кладовку и вернулась за стол.

– Расскажи, что произошло?

И Дороти поведала, как уселась чуть ли не в первый ряд, где по бокам от нее восседала элита Британии. Она и виду не подала, что не имеет ни гроша за душой, пока настойчивый джентльмен, сидевший справа и выкупивший нелепую древнюю вазу, не предложил ей отобедать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.